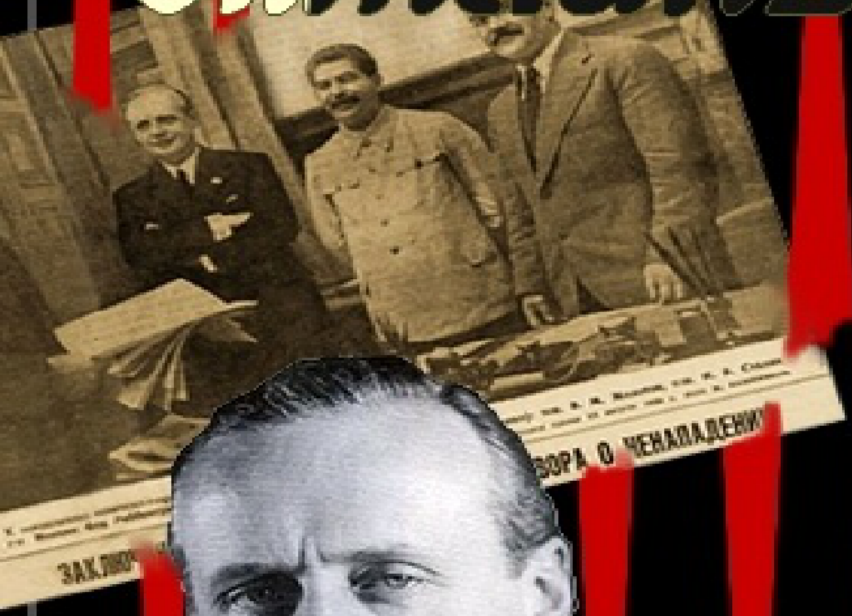
Альянс и разрыв со сталинным



Иоахим фон Риббентроп

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Записки двух дипломатов III Рейха Иоахима фон Риббентропа и Густава Хильгера, учвстников подписания советско-германского договора о дружбе и границах между СССР и Германией.

Судьба эих людей была разной… Иоахим фон Риббентроп был казнён через повешение 16 октября 1946 по приговору Нюрнбергского трибунала. Последними словами Риббентропа на эшафоте были: «Боже, будь милостив к моей душе. Моё последнее желание, чтобы Германия вновь обрела своё единство, чтобы взаимопонимание между Востоком и Западом вело к миру на Земле».

Густав Хильгер после войны, в 1948–1951 гг. жил в США, а в 1953–1956 гг. был советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам».

- Иоахим фон Риббентроп
  - ○
  - ○ Иоахим фон Риббентроп
    - ■ Москва
    - ■ Разрыв с Россией
  - ○ Густав Хильгер
    - ■
    - ■ Московская увертюра
    - ■ Договоры Гитлера — Сталина
    - ■ Занавес падает
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16

○ 17
○ 18

Иоахим фон Риббентроп

Из книги: Joachim von Ribbentrop. Zwischen London und Moskau, Erinnerungen und letzte Aufzeichnungen. Aus dem Nachlass. Herausgegeben von Annelies von Ribbentrop. Druffel-Verlag. Leoni am Starnberger See, 1953.

Иоахим фон Риббентроп (1893–1946) — один из главных нацистских военных преступников. В годы Первой мировой войны — офицер кайзеровской армии. По профессии — виноторговец. В 1932 г. вступил в НСДАП и СС, имел чин штандартенфюрера СС. С 1933 г. — уполномоченный нацистской партии и советник Гитлера по вопросам внешней политики. С 1936 г. — посол в Великобритании, с февраля 1938 по май 1945 г. — имперский министр иностранных дел. Ему принадлежала ведущая роль в сколачивании блока стран-агрессоров, в частности в создании «Антикоминтерновского пакта» и пакта Трех держав. В 1943–1945 гг. по заданию фашистских верхов пытался достигнуть сепаратного перемирия с западными державами. Казнен (повешен) по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Рейхсминистр Риббентроп на аэродроме в Москве. 30 марта 1939 г.

Молотов и Риббентроп после подписания советско-германского договора о дружбе и границах между СССР и Германией. Москва, 28 сентября 1939 г.

Иоахим фон Риббентроп
Альянс и разрыв со Сталиным

Москва

Искать компромисса с Россией было моей сокровенной идеей: я отстаивал ее перед фюрером потому, что, с одной стороны, хотел облегчить проведение германской внешней политики, а с другой — обеспечить для Германии русский нейтралитет на случай германо-польского конфликта.

С марта 1939 г. я считал, что в речи Сталина (доклад на XVIII съезде КПСС. — *Сост.*) мною услышано его желание улучшить советско-германские отношения. Он сказал, что Россия не намерена таскать каштаны из огня для капиталистических держав.

Я ознакомил с этой речью фюрера и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов, дабы установить, действительно ли за этой речью скрывается серьезное желание Сталина. Сначала Адольф Гитлер занял выжидательную позицию и колебался. Но когда находившиеся на точке замерзания переговоры о заключении германо-советского торгового договора возобновились, я все-таки предпринял в Москве зондаж насчет того, нет ли возможности преодоления политических разногласий и урегулирования вопросов, существующих между Берлином и Москвой. Переговоры о торговом договоре, которые очень умело вел посланник Шнурре, за сравнительно короткий срок продвинулись вперед. Взаимные дипломатические беседы становились все более содержательными. В конечном счете, я дипломатическим путем подготовил заключение пакта о ненападении между Германией и Россией. В ответ на телеграмму Адольфа Гитлера Сталин (в письме от 21 августа 1939 г. — *Сост.*) пригласил полномочного представителя Германии в Москву. Там я продолжил нашу политику.[1] Сначала я предложил послать в Москву не меня, а другого уполномоченного — тут я подумал о Геринге. Принимая во внимание мою деятельность в качестве посла в Англии, мои японские связи и всю мою внешнюю политику, я считал, что для миссии в Москву буду выглядеть деятелем слишком антикоммунистическим. Но фюрер настоял на том, чтобы в Москву отправился именно я, сказав, что это дело «я понимаю лучше других».

При своем отъезде я о якобы уже принятом фюрером решении напасть на Польшу ничего не знал, а также не верил в

то, что он уже тогда принял его окончательно. Естественно, ставшие тем временем острыми напряженные отношения с Польшей выдвинулись на первый план, и Адольф Гитлер уже в начале августа высказал [итальянскому министру иностранных дел] графу Чиано желание при всех условиях решить проблему Данцига и коридора.

Когда я отправился в Москву, ни о каких военных шагах речь не шла, и я придерживался взгляда, что Адольф Гитлер, хотя и желает оказать давление на Польшу, в конечном счете хочет разрешить эту проблему дипломатическим путем. У меня была надежда на то, что после опубликования германо-советского пакта о ненападении Англия в большей мере дистанцируется от Польши и окажется более склонной вступить в переговоры с нами.

В самолете я прежде всего вместе с [юридическим советником, послом] Гаусом набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Москве это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста заранее не подготовили.

Со смешанным чувством ступил я первый раз на московскую землю. Многие годы мы враждебно противостояли Советскому Союзу и вели друг с другом крайне острую мировоззренческую борьбу. Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны. А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью.

Я хорошо осознавал особую ответственность возложенной на меня миссии, тем более что это я сам предложил фюреру предпринять попытку договориться со Сталиным. Возможен ли вообще действительный компромисс взаимных интересов?

В то же самое время английская и французская военные миссии еще вели в Москве переговоры с Кремлем о предполагаемом военном пакте. Я должен сделать все от меня зависящее, чтобы договориться с Россией. Вот какие мысли руководили мной, когда наш самолет приближался к Москве.

23 августа во второй половине дня, между 4 и 5 часами, мы в самолете фюрера прибыли в московский аэропорт, над которым рядом с флагом Советского Союза развевался флаг рейха. Мы были встречены нашим послом графом фон дер Шуленбургом и русским послом (в действительности — заместителем наркома иностранных дел СССР. — *Сост.*) Потемкиным. Обойдя строй почетного караула советских военно-воздушных сил, который произвел на нас хорошее впечатление, мы, в сопровождении русского полковника, направились в здание бывшего

австрийского посольства, в котором я жил в течение всего своего пребывания в Москве.

Сначала у меня состоялась в германском посольстве беседа с нашим послом Шуленбургом. Туда мне сообщили, что сегодня в 18 часов меня ожидают в Кремле. Кто именно будет вести переговоры со мной Молотов или сам Сталин, сообщено не было. Какие странные эти московские нравы! — подумал я про себя. Незадолго до назначенного времени за нами заехал широкоплечий полковник (как я слышал, это был начальник личной охраны Сталина), и вскоре мы уже въезжали в Кремль. По пути Шуленбург обращал мое внимание на некоторые исторические здания. Затем мы остановились у небольшого подъезда, и нас провели вверх по короткой, похожей на башенную лестнице. Когда мы поднялись, один из сотрудников ввел нас в продолговатый кабинет, в конце которого нас стоя ожидал Сталин, рядом с ним стоял Молотов. Шуленбург даже не смог удержать возгласа удивления: хотя он находился в Советском Союзе вот уже несколько лет, со Сталиным он еще не говорил никогда.

После краткого официального приветствия мы вчетвером — Сталин, Молотов, Шуленбург и я уселись за стол. Кроме нас присутствовали наш переводчик советник посольства Хильгер, прекрасный знаток русской жизни, и молодой светловолосый русский переводчик Павлов, который явно пользовался особым доверием Сталина.

В начале беседы я высказал желание Германии поставить германо-советские отношения на новую основу и прийти к компромиссу наших интересов во всех областях: мы хотим договориться с Россией на самый долгий срок. При этом я сослался на речь Сталина весной [1939 г.], в которой он, по нашему мнению, высказал те же мысли. Сталин обратился к Молотову и спросил его, не хочет ли тот для начала ответить. Но Молотов попросил Сталина сделать это самому, так как именно он призван сделать это. Затем заговорил Сталин кратко, точно, без лишних слов. То, что он говорил, было ясно и недвусмысленно и показывало, как мне казалось, желание компромисса и взаимопонимания с Германией. Сталин использовал характерное выражение: хотя мы многие годы поливали друг друга бочками навозной жижи, это еще не причина для того, чтобы мы не смогли договориться. Свою речь 10 марта 1939 г. он произнес сознательно, чтобы намекнуть нам о своем желании договориться с Германией. Как видно, у нас это поняли правильно. Ответ Сталина был столь позитивен, что после первой принципиальной беседы, в ходе которой мы констатировали

взаимную готовность к заключению пакта о ненападении, мы сразу же смогли договориться о материальной стороне разграничения наших обоюдных интересов, особенно по вопросу о германо-польском кризисе. На переговорах царила благоприятная атмосфера, хотя русские известны как дипломаты упорные. Были разграничены сферы интересов в странах, лежащих между Германией и Советским Союзом. Финляндия, большая часть Прибалтийских государств, а также Бессарабия были объявлены принадлежащими к советской сфере. На случай возникновения германо-польского конфликта, который в создавшемся положении казался не исключенным, была согласована «демаркационная линия».

Уже в ходе первой части переговоров Сталин заявил, что желает установления определенных сфер интересов. Под «сферой интересов», как известно, понимается, что заинтересованное государство ведет с правительствами принадлежащих к этой сфере стран касающиеся только его самого переговоры, а другое государство заявляет о своей категорической незаинтересованности. При этом Сталин пообещал, что внутреннюю структуру этих государств он затрагивать не хочет. На сталинское требование сфер интересов я, имея в виду Польшу, ответил: поляки становятся все агрессивнее, и было бы хорошо на тот случай, если они доведут дело до войны, определить разделительную линию, чтобы германские и русские интересы не столкнулись. Эта демаркационная линия была установлена по течению рек Висла, Сан и Буг. При этом я заверил Сталина, что с германской стороны будет предпринято все, чтобы урегулировать вопрос с Польшей дипломатическо-мирным путем.

Соглашения, касающиеся других стран, само собою разумеется, не могут содержаться в договорах, предназначенных для общественности, а потому для этого прибегают к договорам секретным. Секретный договор (имеется в виду дополнительный протокол. — *Сост.*)[2] был заключен и еще по одной причине: германо-русское соглашение нарушало соглашение между Россией и Польшей, а также договор между Францией и Россией, предусматривавший при его заключении консультации с другой стороной.

Твердость советской дипломатии проявилась в вопросе о Прибалтийских странах, а особенно — в вопросе о порте Либау (Лиепая. — *Сост.*), на который русские претендовали как на сферу своих интересов. Хотя я и имел неограниченные полномочия для заключения договора, я счел правильным запросить Адольфа Гитлера. Поэтому переговоры были на время прерваны, чтобы возобновиться в 10 часов вечера после того, как

я получил согласие фюрера. Теперь больше никаких трудностей не имелось, и пакт о ненападении, а также секретный дополнительный протокол к нему были парафированы и уже около полуночи подписаны.

Затем в том же самом помещении (а это был служебный кабинет Молотова) был сервирован небольшой ужин на четыре персоны. В самом начале его произошло неожиданное событие: Сталин встал и произнес короткий тост, в котором сказал об Адольфе Гитлере как о человеке, которого он всегда чрезвычайно почитал. В подчеркнуто дружеских словах Сталин выразил надежду, что подписанные сейчас договора кладут начало новой фазе германо-советских отношений. Молотов тоже, встал и тоже высказался подобным образом. Я ответил нашим русским хозяевам в таких же дружеских выражениях. Таким образом, за немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое согласие, о каком я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня теперь величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений.

Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердость, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, человека, который сумел сплотить двести миллионов человек своей империи сильнее, чем любой царь прежде.

Заслуживающим упоминания кажется мне небольшой, но характерный эпизод, произошедший к концу этого вечера. Я спросил Сталина, может ли сопровождавший меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый раз, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу. Когда же Сталин и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках, Сталин запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Сталину, но тот отдал ее обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет. Эпизод этот незначителен, но характерен для широкой натуры наших хозяев и для той атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву.

Когда я на следующее утро из окна моей квартиры поглядел через улицу, один из сопровождавших меня обратил мое

внимание на нескольких человек, выглядывавших из окна расположенного напротив жилого дома — здания английского или французского посольства. То были члены английской или французской военных миссий, которые вот уже длительное время вели в Москве переговоры об англо-франко-советском военном союзе.

В процессе наших бесед я, разумеется, спросил Сталина об этих военных миссиях. Он ответил: с ними вежливо распрощаются. Так оно и произошло. Тем не менее я полагаю, что контакты между западными военными и Москвой после их отъезда все же сохранились. Другой вопрос, заданный мной Сталину, касался того, как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 г. На это Сталин лаконично ответил: «Русские интересы важнее всех других».

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию с убеждением в том, что желание Сталина и Молотова идти к взаимопониманию с Германией в тот момент было искренним. Когда я докладывал Адольфу Гитлеру о московских переговорах, у меня сложилось впечатление, что и он, безусловно, воспринимал этот компромисс с Россией всерьез.

Соглашения рассматривались нами как прочный компромисс на самый длительный срок. Пакт с Россией, вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реально-политической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа. Несмотря на многолетние идеологические схватки национал-социализма и большевизма, о значении дружественной России для германской политики забывать было нельзя. Отказ от бисмарковской политики в отношении России положил начало тому окружению Германии, которое привело к Первой мировой войне. В ситуации 1939 г. восстановление политических отношений с Россией было по реальным политическим причинам перворазрядным политическим актом обеспечения нашей безопасности.

Я лично как человек, докладывавший фюреру об этом компромиссе с Советским Союзом, надеялся, в частности, на следующее:

1. Скорейшая ликвидация наиопаснейшей конфликтной ситуации, которая могла угрожать миру в Европе, путем дипломатического преодоления мировоззренческих противоречий между национал-социализмом и большевизмом.

2. Создание действительно дружественных германо-советских отношений на фундаменте германской внешней политики в духе Бисмарка.

3. В тогдашней особой ситуации августа 1939 г. использовать

все возможности дипломатического решения проблемы Данцига и коридора в духе предложений Адольфа Гитлера.

24 августа я вместе с нашей делегацией вылетел в Германию. Предусматривалось, что я прямо из Москвы должен лететь в Берхтесгаден, чтобы доложить обо всем фюреру в его резиденции Бергхоф. Я думал предложить ему созвать европейскую конференцию для урегулирования польского вопроса. Неожиданно наш самолет радиограммой повернули на Берлин, куда Гитлер вылетел в тот же день. Из соображений безопасности нам пришлось сделать большой крюк над Балтийским морем.

27 сентября 1939 г. — еще в последний день польской кампании — я во второй раз вылетел в Москву для урегулирования вопросов о вступлении советских войск в Польшу. Я нашел у Сталина и Молотова ярко выраженный дружеский, почти что сердечный прием. Во время этого визита большой линией на карте (ее собственной рукой провел Сталин. — *Сост.*) были установлены границы между будущим генерал-губернаторством и Советским Союзом. Одновременно было обсуждено далеко идущее торговое соглашение и подписан договор о дружбе [и границе] от 28 сентября 1939 г.

Упорство русских в достижении дипломатических целей вновь дало себя знать, когда Сталин и Молотов, даже идя на отказ от некоторых областей (Люблин), в противоположность заключенному в августе соглашению, стали притязать на включение в советскую сферу интересов Литвы. Поскольку в этом вопросе русские были весьма настойчивы, я поставил о том в известность фюрера. Некоторое время спустя он сам позвонил мне и заявил — явно не с легким сердцем, — что согласен включить Литву в сферу советских интересов. Но при этом добавил: «Я хотел бы установить совсем тесные отношения». Когда я сообщил эту реплику Сталину, тот лаконично произнес: «Гитлер свой гешефт понимает».

По возвращении Гитлер сказал мне, что в литовском вопросе он хотел доказать русским, что с самого начала желал делать все для компромисса с восточным соседом и установить «настоящие отношения взаимного доверия». Я и сегодня не сомневаюсь в том, что это высказывание было тогда искренним и что Адольф Гитлер в тот момент серьезно рассчитывал на долгосрочное взаимопонимание. Несмотря на бросавшийся в глаза интерес русских к Литве, Гитлер оценивал тогда русские намерения в отношении Германии как вполне отвечающие заключенным договорам. В своем докладе после возвращения из Москвы я старался его в этом мнении укрепить. Как воспринимал и считал ли он, что по этой причине столкновение будет неизбежным?

В связи с первым высказыванием Сталина второе приобретает еще большее значение. Оно недвусмысленно выдавало сознание Советским Союзом своей силы и намерение выступить в случае неудачного для Германии хода войны. Это высказывание, которое я в точности запомнил, было преподнесено Сталиным в такой спонтанной форме, что оно наверняка отвечало его тогдашнему внутреннему убеждению. Меня особенно поразила прозвучавшая в словах Сталина огромная самоуверенность насчет боеспособности Красной Армии.

Мое личное мнение склоняется к тому, что договоренность с Германией Сталин рассматривал, прежде всего, как особенно выгодную для себя сделку, каковой она на самом деле и была. Далее, он мог быть убежден в том, что в случае войны между Германией и западными державами Россия ничего потерять не может. Вероятно, он верил в возможность тянущейся годами окопной войны на Западе, как это имело место в 1914–1918 гг. Если же война затянется и позиции Германии ослабнут, рейх в еще большей степени окажется в экономической и продовольственной областях зависимым от русской помощи. Если Германия войну проиграет, Красной Армии предоставится большая оказия проникнуть в Центральную Европу. Если же война закончится «вничью», все ведшие ее стороны в любом случае будут ослаблены, а Россия наверняка не останется в убытке. Каковы действительно были мысли Сталина, верно, никто никогда не узнает. Но ход их мог быть примерно таким. Быстрая победа Германии на Западе наверняка явилась для Сталина ошеломляющей неожиданностью. Еще во время нашего продвижения во Франции в советской политике стала ощущаться новая тенденция, а тем самым начался тот трагический ход событий, который привел к началу германо-русской войны в июне 1941 г.

В отличие от моего первого приезда в Москву на сей раз состоялось несколько торжественных мероприятий. В Большом театре в честь германской делегации дали «Лебединое озеро» Чайковского. Мы сидели в большой центральной ложе и восхищались отличным музыкальным исполнением и неповторимой прелестью русского балета. Я часто слышал о том, что нынешнее оперное и балетное искусство в России не уступает существовавшему в царские времена. Прима-балерина, приехавшая ради нас из Ленинграда, танцевала великолепно. Я хотел было лично поблагодарить танцовщицу, но граф Шуленбург отсоветовал: это могут воспринять с неудовольствием. Я послал ей цветы, надеясь, что в Кремле это не вызовет неприятных последствий.

Сталин дал в нашу честь большой банкет, на который были приглашены члены Политбюро. Поднимаясь с нашей делегацией по огромной лестнице бывшего царского дворца, где проходил прием, я, к своему удивлению, увидел картину, на которой был изображен царь Александр II со своими крестьянами после отмены крепостного права. Наряду с другими впечатлениями мне показалось это знаком того, что в сталинской Москве наметилась эволюция тезиса о мировой революции в более консервативном направлении. Фильм «Петр Первый», который как раз шел тогда на московских экранах, тоже мог истолковываться в этом духе.

Члены Политбюро, ожидавшие нас, меня приятно обескуражили, во всяком случае, я и мои сотрудники провели с ними вечер в весьма гармоничной обстановке. Данцигский гауляйтер, сопровождавший меня в этой поездке, во время обратного полета даже сказал: порой он чувствовал себя просто «среди своих старых партайгеноссен».

Во время банкета по русскому обычаю произносилось множество речей и тостов за каждого присутствующего вплоть до секретарей. По большей части говорил Молотов, которого Сталин (я сидел рядом с ним) подбивал на все новые и новые речи. Подавали великолепные блюда, а на столах стояла особенно крепкая коричневая водка. Этот напиток был таким крепким, что от него перехватывало дыхание. Но на Сталина коричневая водка словно не действовала. Когда по этому поводу мы высказали свое удивление насчет крепости русских глоток в сравнении с немецкими, Сталин рассмеялся и, подмигнув, выдал мне «тайну»: сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, что и эта дьявольская водка.

В течение всего вечера я не раз дружески беседовал с членами Политбюро, которые подходили, чтобы чокнуться со мной. Особенно вспоминаются мне маршал Ворошилов и министр транспорта Каганович. О нем и о его еврейском клане у нас часто говорили в Германии. Его причисляли к крупнейшим закулисным лицам интернационального еврейства. Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения как в этот вечер, так и во время обоих посещений Москвы подтвердили мое убеждение: ни о какой инструкции, руководимой интернациональным еврейством и согласованной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось. В московском Политбюро, этом абсолютно всевластном органе для всей России, кроме Кагановича не было ни одного еврея. И среди высших советских функционеров я обнаружил их очень мало. По моим собственным наблюдениям, а также на основе исследований, которые я приказал провести по

данному вопросу, могу сказать: никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имелось. Возможно, связи могли поддерживаться через коминтерновский центр. Но тезис, будто какой-то интернациональный, межгосударственный еврейский центр действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным.

После своего возвращения из Москвы я часто говорил с Адольфом Гитлером именно по этому вопросу, и у меня сложилось впечатление, что он — по крайней мере, в 1939 и 1940 гг. — приближался к пониманию моих взглядов. Однако он был весьма неустойчив в выражении своего мнения, и я не знаю, играли ли у него, и в какой именно степени, роль тактические соображения. В любом случае, я питал тогда большие надежды на то, чтобы путем политического взаимопонимания с Россией привести фюрера к эволюционному мышлению в вопросах мировоззрения, а тем самым и к повороту в его отношении к еврейству. Я был убежден, что внешняя политика не может проводиться, руководствуясь мировоззренческой точкой зрения. В дальнейшем ходе войны фюрер все сильнее возвращался к мысли о существовании международного еврейского заговора против Германии.

Разрыв с Россией

Осенью 1939 г. советское правительство перешло к оккупации Прибалтийских государств. Именно в тот момент, когда я во второй раз прибыл в Москву, я видел, как прибалтийские министры с побледневшими лицами покидали Кремль. Незадолго до этого Сталин сообщил им, что его войска вступят в их страны.

В день подписания нашего договора о границе и дружбе Советский Союз заключил с Эстонией, затем 5 октября — с Латвией, а 10 октября — с Литвой договора о военной взаимопомощи, В этих государственных договорах СССР оговорил для себя право создавать внутри данных стран базы для военно-морского флота и береговой артиллерии, а также размещать на их территории аэродромы для своей военной авиации и, наконец, содержать гарнизоны своих сухопутных войск и военно-воздушных сил.

Несколько недель спустя Россия в результате зимней войны с Финляндией осуществила новые территориальные приобретения. Во время этой войны симпатии очень многих немцев, в том числе и Гитлера, были на стороне финнов. По-человечески это было понятно. Я тоже, помня о нашем братстве по оружию в Первой

мировой войне, сочувствовал финнам в их борьбе. Но все-таки я старался, чтобы из этого спонтанного чувства, учитывая наши отношения с Советским Союзом, не возникли многие трудности для германской внешней политики.

В середине июня 1940 г. вся Литва, в том числе и ее входившая в сферу германских интересов часть, была без всякого предварительного извещения имперского правительства занята Советским Союзом. Вскоре то же самое произошло с Латвией и Эстонией. И наконец, 3, 5 и 6 августа 1940 г. Эстония, Латвия и Литва решением Верховного Совета СССР были включены в состав Советского Союза в качестве союзных республик. Экономические соглашения Германии с этими государствами, которые согласно итогам московских переговоров не должны, были понести никакого ущерба, были советским правительством ликвидированы в одностороннем порядке.

К концу французской кампании, 23 июня 1940 г., в Берлин поступила телеграмма нашего посла в Москве: Советский Союз намерен в ближайшие дни оккупировать румынскую провинцию Бессарабию, а нас собирается лишь известить о том. Одновременно до фюрера дошел вопль румынского короля о помощи: тот просил у него совета в связи с предъявленным ему русским ультиматумом. Адольф Гитлер был тогда поражен быстрым русским наступлением без предварительной консультации с нами. Но, выполняя принятые нами в Москве обязательства, он порекомендовал румынскому королю не сопротивляться оккупации. Румынское правительство согласилось на требование Советского Союза, попросив лишь дать ему достаточный срок для эвакуации этой большой области. Тогда Советский Союз предъявил новый ультиматум и, не дожидаясь срока его истечения, начал захват Буковины и прилегающей к ней части Бессарабии на Дунае. То, что при этом подлежала оккупации преимущественно населенная немцами Северная Буковина, исконная земля австрийской короны, особенно ошеломило Гитлера. Он воспринял этот шаг Сталина как признак русского натиска на Запад.

Ранней осенью 1940 г. фюрер получил сообщение об усиливающейся концентрации советско-русских войск вдоль границы Восточной Пруссии. Согласно этому сообщению, только перед Восточной Пруссией были сосредоточены 22 советские дивизии, затем крупные группировки войск в восточной части Польши, а также 30 русских корпусов в Бессарабии. После окончания французской кампании Гитлер в первый раз сообщил мне о таких симптомах необычного развертывания вооруженных сил против все еще дружественного государства. Я старался

успокоить фюрера. Больше он к этому вопросу не возвращался и лишь сказал, чтобы я бдительно следил за этими вещами.

В конце августа 1940 г. меня посетил генерал-фельдмаршал Кейтель для разговора по русскому вопросу. Фюрер говорил с ним о возможной угрозе со стороны Советского Союза. Я пообещал Кейтелю, который имел насчет конфликта с Россией опасения военного характера, что предприму у фюрера все возможное, дабы сохранить с нашей стороны хорошие отношения с Россией.

Некоторое время спустя я опять имел беседу по русскому вопросу с Адольфом Гитлером, она состоялась в новом фюрерском корпусе [Коричневого дома] в Мюнхене. Он был очень возбужден. Поступили новые сведения о передвижениях войск на русской стороне. Фюрер упомянул также сообщения о русских намерениях на Балканах. Одновременно у него имелись и донесения полиции об усиливавшейся деятельности коммунистических агентов на германских предприятиях. Он впервые очень резко высказался насчет предполагаемого им намерения Советского Союза. Он взвешивал и такую возможность, что Сталин вообще заключил пакт с нами, исходя из предположения о длительной войне на Западе, чтобы продиктовать нам сначала экономические, а затем и политические условия.

По моему мнению, Адольф Гитлер находился тогда уже долгое время под влиянием определенных кругов, также и внутри партии, утверждавших, что последствиями русско-германского пакта о дружбе могут быть только ущерб и опасности для Германии. Определенное антирусское влияние оказывалось на него и со стороны военных, которые в связи с финской войной считали, что мы по военно-стратегическим причинам не имели права пожертвовать Финляндией. Гитлер привык почти демонстративно говорить в своем кругу о «храбрых финнах». Поскольку Советы в вопросе о Финляндии, согласно нашему договору, использовали свое право, позиция фюрера являлась во внешнеполитическом отношении ярко выраженной неудобной. С другой стороны, Россия в своем давлении на Румынию, вне всякого сомнения, выходила за рамки своего права.

Крупная концентрация советских войск в Бессарабии вызвала у Адольфа Гитлера серьезные опасения и с точки зрения дальнейшего ведения войны против Англии: мы ни при каких обстоятельствах не могли отказаться от жизненно важной для нас румынской нефти. Продвинься здесь Россия дальше, и мы оказались бы в дальнейшем ведении войны зависящими от доброй воли Сталина.

Такие перспективы, естественно, должны были пробуждать у Гитлера недоверие к русской политике. Во время одной нашей беседы в Мюнхене он сказал мне, что, со своей стороны, обдумывает военные меры, ибо не хочет быть застигнутым Востоком врасплох.

Я со всей серьезностью заявлял тогда фюреру, что, по моему убеждению, ожидать нападения со стороны Сталина никак нельзя. Я предостерегал фюрера от каких-либо превентивных действий против России. Я напоминал слова Бисмарка о превентивной войне, при которой «Господь Бог не дает заглядывать в чужие карты». Фюрер вновь высказывал подозрение насчет возможности еврейского влияния на Сталина в Москве и, несмотря на все мои возражения, выражал решимость принять хотя бы военные меры предосторожности. Он был явно озабочен и очень взвинчен. В ответ на его категорическое желание мне пришлось пообещать ему никому ничего не говорить об этом.

В последующем я сосредоточил все свои усилия и силы на прояснении и интенсификации наших отношений с Россией. Прежде всего я хотел устроить встречу Сталина и Гитлера. План сорвался, потому что Сталин не мог выехать из России, а Гитлер — из Германии. Поэтому я написал Сталину подробное письмо, в котором обрисовал общее положение — так, как мы воспринимали его после окончания французского похода — и пригласил министра иностранных дел Молотова в Берлин.

В коротком письме Сталина приглашение Молотова принималось. От этого визита я ожидал очень многого. У меня было намерение предложить советскому министру иностранных дел вступление России в заключенный тем временем пакт Трех держав, чтобы таким образом укрепить и углубить несколько поколебленные германо-русские отношения доверия. К сожалению, получилось по-другому.

Визит Молотова в Берлин (12–13 ноября 1940 г. — *Сост.*) не стоял под счастливой звездой, как я того желал. Молотов весьма энергично потребовал свободу рук для советского правительства в Финляндии. Гитлер же перед беседой с Молотовым не обрисовал мне подробнее свою позицию в финляндском вопросе. В этом вопросе Молотов был прав. Но фюрер не хотел отдавать Финляндию; при этом он, вероятно, считал, что не может отказаться от финского никеля. Дело дошло до весьма упорных дискуссий, в заключение которых Гитлер просил Молотова в этом вопросе пойти ему навстречу.

Молотов больше не настаивал, а перешел к вопросу о Балканах, выразив русское недовольство гарантией, данной Германией Румынии. Молотов спросил, не направлена ли она

против России. Ответ Гитлера был таков: поскольку Советский Союз никогда намерения напасть на Румынию не имел, эта германская гарантия тоже никогда не была направлена против него. (После Венского арбитража и нашей данной Румынии гарантии я послал в Москву длинную телеграмму, в которой объяснил необходимость этих действий для избежания венгеро-румынской войны (из-за Трансильвании. — *Сост.*) и решительно подчеркнул, что эта гарантия, по всему положению дел, никоим образом не затрагивает германо-советские дружественные отношения.) Молотов поставил вопрос, согласны ли мы с тем, чтобы Россия дала такую же гарантию Болгарии. На вопрос Гитлера, а просила ли Болгария такую гарантию, как это в нашем случае имело место с Румынией, Молотов ответил уклончиво. Гитлер не захотел связывать себя согласием и заявил, что сначала должен обсудить болгарский вопрос со своим союзником Муссолини. Таким образом, беседа пошла по не очень-то удовлетворяющему пути и закончилась без каких-либо решений. От этих бесед с Молотовым у Гитлера окончательно сложилось впечатление о серьезном русском стремлении на Запад.

Несмотря на такой ход наших бесед с Молотовым, я все же добился, что советско-русский министр иностранных дел смог снова повести переговоры о предположительно возможном вступлении России в пакт Трех держав. Адольф Гитлер был согласен со мной, что в такой взаимосвязи он готов рассмотреть возможные русские требования. В тот же день состоялся ужин в советском посольстве. Он был прерван первым серьезным налетом английской авиации на Берлин, и я воспользовался этим, чтобы пригласить Молотова в мое бомбоубежище на Вильгельмштрассе, где мы просидели вместе довольно долго. Но и эта беседа оказалась не очень-то плодотворной, так как русский министр иностранных дел был беседой с фюрером не удовлетворен. То, что Молотов в ходе наших переговоров бросил реплику насчет русской заинтересованности в выходе из Балтийского моря в Северное, лишь подчеркнуло ощущавшееся Гитлером русское стремление на Запад.

В конечном итоге Молотов пообещал мне поговорить о русском вступлении в пакт Трех держав со Сталиным. Одновременно я дал Молотову согласие еще раз обсудить с фюрером германо-русские отношения, чтобы найти выход из сложившихся трудностей.

Так как Молотов уже на следующий день должен был возвращаться, никакой возможности продолжить беседы не имелось. Визит закончился охлаждением отношений, и Адольф Гитлер своих соображений мне больше не высказывал. Его

сдержанность в русских вопросах бросалась в глаза. Кое-какие признаки говорили за то, что к этому делу приложили свою руку те влиятельные силы, которые стремились к принятию решения против России…

После отъезда Молотова переговоры о присоединении Советского Союза к пакту Трех держав были возобновлены по дипломатическому пути через германское посольство в Москве. Советское правительство дало нам знать, что такую возможность оно полностью исключать не хочет, но выдвинуло, кроме требования свободы рук в Финляндии, также и требование примата, то есть гарантий с определенными правами, в Болгарии и пожелало, кроме того, создания своих военных баз на турецких проливах (Босфор и Дарданеллы. — *Сост.)*.

Об этих русских желаниях и условиях у меня в декабре 1940 г. состоялся подробный обмен мнениями с Адольфом Гитлером. Я самым настойчивым образом рекомендовал ему пойти навстречу Советскому Союзу и на согласие с ним примерно на требуемой Сталиным базе. Балканские вопросы должны быть выяснены (также и с Италией). Надо предпринять попытку сделать из пакта Трех держав пакт Четырех с участием России. Если нам это удастся, мы окажемся в благоприятной позиции; при такой расстановке сил США остались бы нейтральными, а Англия оказалась бы изолированной и испытывающей угрозу на Дальнем Востоке. Благодаря такой сильной системе союзов во всяком случае, не без нее можно было бы еще добиться быстрого окончания войны с Англией дипломатическим путем. Новое предложение мира Англии, для которого мы тогда получили бы свободу рук, было бы в таком случае более перспективным, чем после Дюнкерка. Однако для этого надо пойти на жертву в пользу России. После этого обмена мнениями мне казалось, что Гитлер стал в финском вопросе, пожалуй, более уступчивым, чем прежде, но русское требование насчет Болгарии он считал (из-за позиции царя Бориса, который никогда на это не пойдет) невыполнимым. Адольф Гитлер заявил, что установление русского влияния в Болгарии означало бы установление русского влияния на Балканы в целом, а особенно на Румынию с ее нефтяными областями. Создание русских военных баз на Дарданеллах он считал невозможным потому, что Муссолини вряд ли согласится на это. Но тогда в ответ на мои настойчивые представления он еще абсолютно отрицательной позиции не занял. Более того, в заключение нашей долгой беседы, проходившей в бомбоубежище Имперской канцелярии, он сказал насчет компромисса с русскими обнадеживающие слова: «Риббентроп, мы уже многое сделали сообща; вероятно, мы справимся и с этим делом».

Я постарался прозондировать итальянцев насчет морских проливов — как и предполагалось, здесь можно было констатировать совершенно отрицательную позицию. Относительно Болгарии фюрер, вне всякого сомнения, был прав. Царь Борис был для идеи «русской гарантии» совершенно недоступен, как я в этом убедился в связи с визитом в Болгарию. Таким образом, дело затягивалось и вперед не двигалось. Граф Шуленбург неоднократно сообщал из Москвы, что без решающих уступок заключения пакта Четырех не добиться.

В течение зимы и весны 1941 г. при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал все более отрицательную позицию. Сильно сбивали его с толку и весьма настойчивые требования Москвы в вопросах торговли, и мне стоило большого труда и даже потребовало многих споров, чтобы в январе 1941 г. довести дело до подписания германо-советского торгового договора. Другая сторона сильно настраивала фюрера против этого договора. У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок.

В эти месяцы я все чаще указывал фюреру на политику Бисмарка в отношении России и не упускал ни одной попытки, чтобы все-таки добиться окончательного германо-русского союза. Думаю, что, несмотря на все, мне все же удалось бы сделать это, если бы между Россией и Германией не существовало мировоззренческого противоречия, при помощи которого никакой внешней политики вести было нельзя. Прежде всего благодаря идеологическим взглядам, а также русской политической позиции, благодаря военным приготовлениям [России] и требованиям Москвы, у Адольфа Гитлера все больше вырисовывалась картина чудовищной коммунистической опасности для Германии. Мои аргументы против этого действовали все меньше и меньше.

Вызывали беспокойство у Гитлера, кроме того, и сообщения об англо-советских беседах, о визите в Москву сэра Стаффорда Криппса и его переговорах в Кремле. Информация об англо-русских отношениях возвещала нам о нерадостном ходе событий.

Тем не менее я не верю, что Гитлер уже тогда окончательно решил выступить против Советского Союза. Утверждение маршала Антонеску, что во время его визитов в Германию фюрер зимой и весной 1941 г. уже пришел к намерению напасть на Россию, в любом случае неверно. Я присутствовал на этих переговорах и ничего подобного не слышал. Протоколы бесед, вероятно, сохранились и находятся сейчас в руках союзников. Хотя фюрер и говорил тогда о мерах предосторожности, о намерении нападения он не сказал ни слова. Только во время

третьего визита Антонеску, в июне 1941 г., он заговорил о предстоящем выступлении.

Так как по военным вопросам меня никогда не информировали, о различных, касающихся Советского Союза приказах я узнал только на Нюрнбергском процессе. О существовании твердого намерения напасть на Восток я впервые узнал только после югославской кампании, начавшейся 6 апреля 1941 г.[3] Я находился в Вене, когда мне позвонил фюрер, чтобы я срочно прибыл в его специальный поезд, стоявший где-то поблизости. Там он открыл мне, что принял окончательное решение о нападении на Россию. По его словам, все имеющиеся у него военные донесения говорят о том, что Советский Союз предпринимает крупные военные приготовления на всем фронте от Балтийского моря до Черного. Он, мол, не хотел подвергнуться внезапности, раз уже осознал грозящую опасность. Пакт, который Москва заключила с сербским путчистским правительством Симовича, — это ярко выраженный афронт Германии и явный отход от германо-русского договора о дружбе. Во время этой беседы я порекомендовал фюреру принять посла графа Шуленбурга, что и было действительно сделано 28 апреля в Вене. Сам я желал во что бы то ни стало дипломатического выяснения вопросов с Москвой. Но Гитлер теперь вообще отклонил любой подобный шаг и запретил мне говорить с кем-либо об этом деле: все дипломаты вместе взятые не смогут изменить ставшей ему известной русской позиции, но они могут лишить его при нападении важнейшего тактического момента внезапности. Фюрер просил меня занять для внешнего мира четкую позицию в его духе. Он сказал, что однажды Запад поймет, почему он отклонил советские требования и выступил против Востока.

Политические соображения, которые привели Адольфа Гитлера к решению напасть на Советский Союз, были, по его тогдашним и последующим адресованным мне высказываниям, таковы.

Как известно, Гитлер еще в 1938 г. был убежден в том, что Англия и Америка вступят в войну против нас, как только в достаточной мере вооружатся. Он боялся, что обе державы заключат союз с СССР и тогда Германия однажды подвергнется нападению одновременно и с Востока, и с Запада, как это уже произошло в 1914 г. В течение 1940 г. эти прежние опасения снова овладели им. Он считал возможным, что Россия на основе своих возобновленных переговоров с Англией нападет на нас одновременно с англо-американским наступлением. Одновременное использование общего потенциала Америки и России казалось ему ужасной опасностью для Германии. Большую

тревогу у фюрера вызывала возможность в ходе войны оказаться зажатым в восточно-западные клещи, быть втянутым в пожирающую и людей, и технику гигантскую по своему масштабу войну на два фронта. Он надеялся обеспечить себе возможность свободно дышать на Востоке вплоть до того момента, пока не вступит в действие англо-американский потенциал на Западе.

Таково было важнейшее соображение Адольфа Гитлера, которое он разъяснил мне после начала русской войны 1941 г. Он решился на нападение в надежде в течение нескольких недель устранить Советский Союз. Ошибка его в оценке русского потенциала и американской помощи стала роковой. Вполне уверен он и сам не был, ибо сказал мне тогда: «Мы не знаем, какая сила действительно стоит за теми дверями, которые мы собираемся распахнуть на Востоке».

Зимой 1940/41 г. вся Европа (за исключением Испании, которая на наши предложения ответила отказом, а также немногих нейтральных государств, таких как Швейцария и Швеция) полностью находилась под влиянием стран «оси». Англия, несмотря на свое поражение на континенте, как и прежде, идти на мир не желала. Единственным театром военных действий, на котором Англия боролась в 1941 г., была Северная Африка, причем и там — с переменным успехом как ввиду ненадежных коммуникаций, так и потому, что Италия оказалась весьма слабым нашим союзником.

Япония хотя и была к началу войны с Россией нашим союзником по оборонительному союзу Трех держав, никоим образом надежным союзником не являлась. Все поступавшие оттуда известия говорили о том, что влиятельные японские круги стремились пакт Трех держав выхолостить и изыскивали различные возможности для того, чтобы превратить функционирование или нефункционирование этого пакта в объект торга с США. За нашей спиной в апреле 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока заключил с Россией свой пакт о ненападении (правильно: о нейтралитете. — *Сост.)*.

Решающим для Адольфа Гитлера являлся в конечном счете тот факт, что и позиция США, которые еще до войны политически были против Германии, тем временем стала ярко выраженной враждебной. Хотя Гитлер с начала войны, по моей просьбе, строжайше запретил любые нападки нашей прессы на США, никакого действия на ведущуюся там антигерманскую травлю это не оказало. Не была достигнута и главная цель пакта Трех держав: ссылкой на опасность войны на два фронта в случае вмешательства США политически подкрепить американских изоляционистов. Фюрер вместе со мной был убежден в том, что

если Англия не заключит мира, мы должны считаться с тем, что рано или поздно США вступят в войну против нас. При столь долго подстрекательски обрабатываемом общественном мнении США любой случайный или преднамеренный инцидент типа потопления «Лузитании» в Первой мировой войне мог не сегодня-завтра привести США в состояние войны.

В любом случае — таково было неоднократно выраженное мнение Адольфа Гитлера — при ставшем в 1940–1941 гг. явным нервозном состоянии дело могло прийти к тому, что Германия только с весьма слабой Италией и, по всей вероятности, стоящей в стороне Японией, с распыленными по всей Европе силами вынуждена была бы одна выдержать невероятный натиск трех сильнейших великих держав — Англии, США и России. Конечно, значительную роль сыграло при этом уже упомянутое представление о тесной антигерманской связи еврейства Востока и Запада. Какие бы убедительные аргументы ни приводил я Гитлеру, они не могли поколебать его убеждения в этом вопросе.

Повторяю: для предотвращения уничтожения Германии с двух сторон Гитлер видел один-единственный выход: разделиться с Советским Союзом. Он напал на Россию прежде всего для того, чтобы самому не оказаться зажатым одновременно с Запада и Востока, как это все же случилось потом. В совместном нападении трех великих держав Адольф Гитлер видел проигрыш войны.

До визита Молотова в Берлин Гитлер, несомненно, еще питал надежду добиться прочных отношений с Россией. Требования Молотова, вероятно, породили у него этот поворот. Отныне он все резче рассматривал любые военные меры, предпринимаемые Россией. Я, как уже упоминалось, не был информирован об этом детально, но позже слышал, что в первую очередь были констатированы следующие советские меры: укрепление новой западной границы, устройство аэродромов вблизи границы, мощная концентрация войск, гигантскин рост военного производства, ориентация на военную экономику. Незадолго до того, как разразилась война, у Советов имелось 158 дивизий, а к началу польской кампании их было еще всего 65. Причем речь шла, как сообщалось при этом фюреру, якобы только о моторизованных и танковых соединениях. Весной 1941 г. уже имели место значительные нарушения границы со стороны России. Интересны в этом отношении показания трех русских офицеров, которые позже попали в наш плен. Они собственными ушами слышали речь, которую Сталин произнес в мае 1941 г. в Кремле. Он совершенно открыто сказал тогда, что будущие цели Советского Союза отныне могут быть достигнуты только силой оружия. Красная Армия к этому готова.

Политические действия, которые советское правительство предпринимало в то время вопреки смыслу германо-русского договора, были, если их кратко перечислить, следующие.

Советский посол в Берлине Деканозов официально заявил 17 января [1941 г.] в нашем министерстве иностранных дел с вручением соответствующего документа: советское правительство считает своим долгом «предостеречь, что появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии и в районе обоих морских проливов будет считаться нарушением интересов безопасности СССР».

Когда затем в начале марта 1941 г. ввиду создавшегося из-за Греции положения был осуществлен ввод германских войск на территорию Болгарии, Молотов заявил, что наш шаг является «вызывающим сожаление», означает «нарушение интересов безопасности СССР» и что германское правительство «не может рассчитывать на поддержку его действий в Болгарии со стороны СССР». Аналогичное резкое заявление было направлено и болгарскому правительству, а затем опубликовано в печати. Все это происходило несмотря на то, что еще 27 февраля я поручил нашему посольству в Москве разъяснить, что как только английская опасность в Греции минует, за этим автоматически последует вывод германских войск из Болгарии.

В ответ на это советское правительство 5 апреля 1941 г. заключило «договор о дружбе» с югославским путчистским правительством Симовича. Это явилось особенно недружественным актом против Германии, ибо это путчистское правительство всего за два дня до того заняло место дружественного нам прежнего правительства.

Все это происходило в противоречии с советским заявлением от 28 сентября 1939 г., в котором говорилось, что Россия желает оказать Германии свою моральную поддержку в случае, если обоюдные усилия по установлению мира не приведут к цели. Это относилось к тем областям, которые по договору не входили в русскую сферу интересов.

Уже сами по себе тесные отношения, которые советское правительство еще летом 1940 г. через британского посла в Москве сэра Стаффорда Криппса установило с Лондоном, означали разрыв с нашими соглашениями. Черчилль тогда будто бы сказал, что не пройдет и полутора лет, как Россия выступит против Германии. Происходило и такое сближение Соединенных Штатов с Россией, что Рузвельт «на основе новейшей информации» смог намекнуть: вскоре произойдет вступление России в войну против Германии.

Для враждебной позиции советского правительства против

нас, проявлявшейся в этом ходе событий, есть только два объяснения: или влияние и уступки Америки и Англии побудили Россию к новой ориентации, или же это было имевшееся у Сталина с самого начала намерение вообще не соблюдать заключенный с нами договор. Последнее объяснение отвечало взглядам Адольфа Гитлера, в то время как сам я считал и продолжаю считать и сейчас правильным объяснением поворота в русской политике первое. Мое мнение таково, что столкновения с Россией можно было избежать, однако для этого требовались уступки с нашей стороны.

Огромная мощь и развертывание военной силы Советского Союза логично выдвигают вопрос: был ли Адольф Гитлер с его восприятием событий прав перед историей? Или же тот путь, к которому стремился я, был в долгосрочном плане все же возможен?

Когда позже я через одного своего посредника в Стокгольме дал русским знать, что фюрер, учитывая имеющиеся у нас материалы об агрессивных намерениях России, относится к возможным дальнейшим соглашениям с Москвой весьма скептически, русские в ответ дали мне понять, что вопрос о вине им, собственно говоря, довольно безразличен. Выяснение вопроса «что было раньше — курица или яйцо?», отвечали они, вопрос «типично немецкий».

Начало военных действий против Советской России 22 июня 1941 г. было концом начатой по моему предложению в 1939 г. политики компромисса на длительный срок между обеими империями.

Дополнение для графа Шуленбурга.

Я продолжал: наша политика прямолинейна и определена на длительный срок, нам спешить некуда. Наша готовность в отношении Москвы налицо, дело, следовательно, за тем, какой путь желают ее правители. Если Москва займет позицию против нас, мы знали бы, что нам делать и как нам действовать; в противном же случае на всем протяжении от Балтийского моря до Черного не было бы ни одной проблемы, которую нельзя было бы решить между нами. Я сказал, что на Балтийском море места хватит для нас обоих и что русские интересы с нашими здесь никоим образом не сталкиваются. Что касается Польши, то мы за дальнейшим развитием следим внимательно и с ледяным спокойствием. В случае польской провокации мы разделаемся с Польшей в недельный срок. В этой связи я сделал намек, что о судьбе Польши мы можем с Россией договориться. Германо-японские отношения я обрисовал как хорошие и дружественные, они являются прочными. Однако насчет русско-японских

отношений у меня свои взгляды (под этим я подразумевал modus Vivendi между обеими странами на длительный срок).

Весь разговор я провел в непринужденном тоне и в заключение дал поверенному в делах еще раз понять, что мы в большой политике не проводим такую тактику, как демократические державы. Мы привыкли стоять на солидной почве, нам нет нужды обращать внимание на колеблющееся общественное мнение, и мы не желаем никаких сенсаций. Если же такие разговоры, как наш, не будут столь конфиденциальны, как они того требуют, от их продолжения придется отказаться. Мы не поднимаем вокруг этого никакого шума: выбор, как уже сказано, остается за Москвой. Если наши соображения вызывают там интерес, пусть г-н Молотов снова возобновит контакт с графом Шуленбургом.

Я вел разговор, не выказывая никакой спешки. Поверенный в делах, казавшийся заинтересованным, со своей стороны, неоднократно пытался конкретизировать разговор; в ответ на это я дал ему понять, что я не готов ни к какой конкретизации до тех пор, пока нам не будет официально сообщено желание советского правительства к формированию новых сношений. Если Астахов получит инструкции в этом духе, с нашей стороны будет проявлен интерес к скорой конкретизации. Сообщаю вам это исключительно для вашей личной информации.

Густав Хильгер
Я присутствовал при этом

Дипломатический ежегодник 1989, М., 1990

Густав Хильгер родился в 1886 г. в Москве в семье немецкого фабриканта и с детства свободно владел русским языком. Став карьерным дипломатом, он с 1923 г. и до июня 1941 г. был сначала сотрудником, а затем советником посольства Германии в СССР. Как и его шеф, посол граф Вернер фон дер Шуленбург, не был активным и убежденным нацистом и являлся сторонником мирных добрососедских отношений Германии с Советским Союзом. Во время войны служил в министерстве иностранных дел; в 1948–1951 гг. жил в США, а в 1953–1956 гг. был советником аденауэровского правительства ФРГ по «восточным вопросам».

Московская увертюра

Несколько слов о моем личном отношении к национал-социализму, которому я служил с 1933 по 1945 г. Никто не ожидает от меня извинений или самооправданий, которые стали обычными в послевоенное время. Я не ощущаю потребности защищать мои поступки и взгляды, и у меня нет никакого стремления оправдывать свою позицию или раскаиваться в ней.

Я не был ни приверженцем национал-социализма, ни активным борцом Сопротивления. Я не принадлежал ни к нацистской партии, ни к какой-либо группе Сопротивления.

Поскольку большую часть своей жизни я провел в Москве, у меня не было случая участвовать во внутриполитической жизни Германии или же пользоваться своим избирательным правом. Находясь в Москве, я был территориально недостаточно близок к событиям в Германии, к тому же и отпуска я по большей части проводил вне ее, желая узнать другие страны и других людей.

Мое отношение к гитлеровскому режиму было поэтому неустойчивым и нечетко выраженным. До 1933 г. зрелище коричневорубашечников, марширующих по улицам германских городов, вызывало у меня отвращение и будило во мне мрачные предчувствия. Первые полтора года после того, как Гитлер пришел к власти, опасения мои, казалось, не подтверждались. События 30 июня 1934 г.[4] особенно сильно ошеломили меня, и от этого потрясения я долго не мог прийти в себя. С другой стороны, когда я приезжал в отпуск в Германию, меня после минувших лет безработицы и экономической нужды поражали чистота, порядок и хозяйственный подъем. К этому добавлялись обманчивые успехи гитлеровской внешней политики. И хотя меня постоянно вновь и вновь посещали сомнения относительно конечного итога этого идеологически совершенно чуждого мне эксперимента, я не видел никакой настоятельной причины не служить тому правительству, с которым все западные демократии по-прежнему поддерживали дипломатические отношения. К тому же не имелось никаких признаков, чтобы какое-либо иностранное правительство облегчило жизнь какому-нибудь направленному на переворот движению, которое могло бы одержать верх в Германии. Наоборот, англо-германское военно-морское соглашение 1935 г. и участие всех стран в Олимпийских играх 1936 г. в Берлине поощрили Гитлера к неуклонному дальнейшему продвижению по своему пути.

Внутри посольства Третий рейх ощущался мало. В кадровом составе на первых порах никаких изменений не произошло.

К счастью, ни посол Надольный, ни его преемник граф Шуленбург не были истинными нацистами, а посему и не требовали от персонала посольства доказательств лояльности к правящему режиму. Шуленбург даже не давал себе труда самому писать речи, которые он должен был произносить в официальных случаях (таких, например, как «День рождения фюрера»), а поручал партийному старосте подготовить подходящий текст, который потом зачитывал со скучающим видом.

Когда 12 мая 1934 г. Надольный покинул Москву и отправился в Берлин, чтобы передать Гитлеру свою памятную записку о необходимости улучшения германо-советских отношений, я находился в очередном отпуске. Известие об

отставке Надольного дошло до меня в Цюрихе и тем более поразило, что при отъезде из Москвы посол был твердо уверен в успехе своей миссии. Поэтому я решил сократить свой отпуск, ибо смена посла, а еще больше — лежавшие в основе ее мотивы вызвали у меня серьезные опасения. Я не только считал уход Надольного плохим предзнаменованием для дальнейшего развития германо-советских отношений, но и сожалел о нем по личным причинам, так как охотно работал под его началом.

С большим облегчением я вскоре узнал, что преемником Надольного назначен граф Фридрих Вернер фон дер Шуленбург. Я знал графа Шуленбурга еще с тех времен, когда он был послом в Персии и на пути между Тегераном и Берлином имел обыкновение останавливаться в Москве. О нем мне было известно лишь то, что у него есть только друзья, а врагов нет. Действительно, Шуленбург обладал необыкновенным обаянием, благодаря которому он сразу же завоевывал доверие и симпатию любого человека, вступавшего с ним в контакт. К тому же помимо богатого профессионального опыта, он обладал обширными знаниями, что делало личное общение с ним весьма привлекательным.

Семилетнее пребывание Шуленбурга на посту посла в Москве показало, что никто другой не смог бы так искусно, с такой осмотрительностью и достоинством представлять германские интересы в Советском Союзе в те тяжелые времена, как он. Сознательно отказавшись от собственной инициативы и следуя принципу: политика — искусство возможного, Шуленбург сослужил в Москве большую службу германской стороне. В связи с той опасностью, которой постоянно подвергались германо-русские отношения в те годы, другой на его месте или спасовал бы перед трудностями, или же реагировал на взаимную перебранку таким образом, что это сделало бы его пребывание в Москве невозможным… Именно благодаря, в частности, этому германо-русские отношения выдержали кризис и в августе 1939 г. были направлены на осуществление той задачи, которая, как тогда верил Шуленбург, должна была служить не только германским интересам, но и делу мира.[5]

То, что дело приняло противоположный оборот, явилось как для него, так и для меня горьким разочарованием. Во время войны между Германией и Советским Союзом мы делали все, что было в наших силах, чтобы противодействовать преступной политике Гитлера в оккупированных Германией восточных областях, проявлявшейся также в обращении с советскими военнопленными. Когда позже немецкие оппозиционные круги обратились к Шуленбургу, чтобы привлечь его к осуществлению

своих стремлений, он заявил о своей готовности в случае возможного переворота[6] занять пост министра иностранных дел в новом национальном правительстве. После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. этот факт стал известен следственным властям и привел к казни Шуленбурга 10 ноября 1944 г.

Советская внешняя политика в середине 30-х годов определялась глубоко укоренившимся страхом Советского правительства перед национал-социалистической агрессией. Этот страх побудил Москву вступить в Лигу Наций и повести настойчивую, решительную борьбу за признание принципа: «Неделимость мира и коллективная безопасность». Одновременно Кремль, напрягая все силы, пустился в гонку со временем, стремясь обезопасить страну в политическом, экономическом, идеологическом и военном отношениях. Внутри страны и за ее пределами он видел только врагов. Убийство Кирова 1 декабря 1934 г. развязало такой террор, который по своей интенсивности и длительности превосходил все имевшее место ранее.

Это породило страх перед шпионами и вражеской деятельностью, который систематически подогревался сверху; советские граждане, вызывавшие малейшее подозрение, что они имеют какие-либо контакты с заграницей и иностранцами, безжалостно ликвидировались НКВД. В течение четырех лет коммунистическая партия переживала потрясения, вызванные гигантского масштаба чисткой, жертвой которой стала преобладающая часть руководящего слоя старых большевиков, ибо Сталин, в то время, когда требовалась абсолютная концентрация всех сил, не желал терпеть рядом с собой никого, от кого могло исходить хотя бы самое молчаливое сомнение, а тем более угроза его притязаниям на единоличную власть. Советский режим предпринимал отчаянные усилия, чтобы утвердить себя перед лицом опасности, которая, как считал он, исходила от Германии.

Из страха перед усиливающимся Третьим рейхом Советское правительство в начале 1935 г. пришло к мысли привлечь Германию к пакту о взаимопомощи, в который должны были вступить все восточноевропейские государства. Крестинский[7] открыто сказал германскому послу, что слова и дела Гитлера вызвали столь глубокое недоверие, что одними словами доверия не восстановить. Двустороннее соглашение только между Советским Союзом и Германией не обеспечило бы необходимой безопасности. Желаемый же Кремлем многосторонний пакт о взаимопомощи достиг бы своей цели, поскольку дал бы Германии желаемую ею безопасность и сделал бы излишним ее дальнейшее

вооружение. Однако министерство иностранных дел дало посольству указание заявить Советскому правительству, что Германия предпочитает защитить себя собственными силами. В глазах Гитлера пакт являлся мероприятием, пользу из которого извлекли бы лишь Советский Союз и Франция. Он считал, что безопасности Германии ничто не угрожает, полагался на ее силу и не имел ни малейшего намерения ограничивать свою программу вооружения. Тем не менее русские в первые месяцы 1935 г. твердо держались за свои предложения.

Предложение заключить «Восточный пакт» с участием Германии было лишь одной из попыток Советов найти модус вивенди с национал-социалистической Германией. Подобный зондаж проводился постоянно, не только в доверительных беседах, но иногда и в официальных заявлениях. Этому противостояли высказывания Гитлера, которые все время обостряли напряженность между обеими странами.

Его речи в рейхстаге 8 марта 1936 г. и 30 января 1937 г. были настоящим объявлением «холодной войны», а в своей речи на Нюрнбергском съезде партии он зашел даже так далеко, что заговорил о заинтересованности Германии в богатствах Урала, Сибири и Украины. Четыре дня спустя Ворошилов ответил заявлением, в котором говорилось, что его страна готова к войне.

В 1936 г. началась гражданская война в Испании — европейская прелюдия к мировому вооруженному конфликту. В том же году Германия и Япония закрепили свое партнерство прямо направленным против Советского правительства договором — так называемым «Антикоминтерновским пактом», хотя русские и в 1936 г. продолжали свои усилия по сближению с Германией.

Заключение «Антикоминтерновского пакта» усилило стремление Сталина к отражению неуклонно нараставшей агрессивности Гитлера. Кроме заключения пакта о взаимопомощи с Францией имелись и многие другие признаки, позволявшие сделать вывод, что в 1935–1937 гг. Сталин интенсивно занимался созданием коалиции против Гитлера. Но он не достиг никакого успеха, ибо Англия и Франция мирились с провокациями Гитлера, не реагируя на них активным образом. Это вызывало у советского диктатора подозрение, что в случае нападения Германии на Советский Союз западные державы и пальцем не пошевельнут, а при определенных условиях даже будут делать общее с Гитлером дело. Сталин еще больше укрепился в этом своем предположении вследствие нерешительного поведения западных держав в вопросе о «коллективной безопасности», пока мюнхенские события осенью 1938 г. не убедили его окончательно в том, что все его усилия по созданию совместного

оборонительного фронта против Германии обречены на провал.

Договоры Гитлера — Сталина

Начавшееся новое сближение Германии и Советского Союза явилось результатом взаимного «давай и бери», причем нельзя точно установить ни долю имевшегося в каждом отдельном случае дипломатического воздействия, ни того момента, когда та или иная сторона приняла решение о договоренности. Эта мысль зрела как в Берлине, так и в Москве постепенно, с учетом степени готовности партнера к переговорам. Обе стороны должны были сначала осторожно нащупывать сферу переговоров, ибо оба правительства видели перед собой нагромождение недоверия и испытывали множество опасений. Но когда они были преодолены, события обрушились с драматической быстротой и в течение всего нескольких дней привели к заключению договоров, чреватых серьезными последствиями.

Первые конкретные признаки стремления к разрядке в отношениях стали заметны осенью 1938 г., когда возникшая в результате взаимной перебранки атмосфера стала невыносимой и обеим сторонам стало ясно, что надо, безусловно, найти какой-то выход, иначе военное столкновение неизбежно. На основе осознания этого факта в октябре 1938 г. между графом Шуленбургом и Литвиновым была достигнута договоренность о том, что пресса и радио обеих стран в будущем должны воздерживаться от прямых нападок на глав государств. Готовность Сталина к такой договоренности с гитлеровской Германией была следствием Мюнхенской конференции, и прежде всего того факта, что западные державы провели эту конференцию без участия Советского Союза. Отсюда недоверчивый советский диктатор сделал вывод, что западные державы не только не имели намерения оказать сопротивление Гитлеру, но при подходящем случае даже поддержали бы его, если бы тот принял решение напасть на Советский Союз. Более того, у него сложилось впечатление, что передача Германии Судетской области явилась платой за войну, которую она должна была развязать против Советского Союза. Гитлер же, напротив, стал склоняться к мысли о соглашении с Советским Союзом после сделанного Чемберленом по возвращении в Лондон заявления, что западные державы должны вооружаться.

Во второй раз мир затаил дыхание 19 декабря 1938 г., когда было подписано торговое соглашение между Германией и Советским Союзом. Хотя речь шла лишь о продлении действовавшего торгового и платежного соглашения на

следующий год, один тот факт, что на этот раз продление последовало своевременно, а не с затяжкой на три месяца, как было год назад, оказался достаточным, чтобы привлечь к себе внимание всего мира.

Третьим признаком возможности изменения напряженных отношений явился доклад Сталина 10 марта 1939 г. на XVIII съезде партии, где он заявил, что подозрительный шум, поднятый французской, английской и американской прессой по вопросу об Украине, имеет целью натравить СССР на Германию и спровоцировать конфликт, никаких видимых причин для которого нет. Это заявление Сталина существенно способствовало подготовке почвы для германо-советского взаимопонимания, хотя незадолго перед тем Сталин возобновлением переговоров с Англией и Францией о создании общего оборонительного фронта против германской агрессии дал понять, что намерен и в состоянии держать в запасе два варианта. Однако колеблющееся поведение англичан и французов укрепило его подозрение, что западные державы охотно втянули бы Советский Союз в войну против гитлеровской Германии, но не были готовы сами принести для этого жертвы или же пойти на риск. Несомненное доказательство того Сталин увидел в отказе западных держав признать справедливость советского требования в случае германского нападения предоставить советским войскам возможность пройти через Польшу и Румынию.

Несмотря на это, Литвинов последовательно продолжал придерживаться своего плана создания системы коллективной безопасности и неустанно стремился к соглашению с западными державами. Это привело Сталина к мысли, что Литвинова надо отстранить, чтобы достигнуть взаимопонимания с Германией. К тому же Литвинов и как личность являлся для него помехой, ибо был еврей. По этой причине 3 мая 1939 г., совершенно неожиданно для мировой общественности, Литвинов был смещен с поста народного комиссара иностранных дел. Еще 1 мая он во время традиционного военного парада на Красной площади находился в непосредственной близи от Сталина,[8] а 2 и 3 мая вел переговоры с британским послом сэром Уильямом Сидсом. Но уже на следующий день советская печать сообщила, что на пост народного комиссара иностранных дел назначен Председатель Совета Народных Комиссаров Вячеслав Молотов.

В результате к нему было привлечено внимание мировой общественности. В последние два года перед нападением Германии на СССР я бесчисленное множество раз встречался с ним, и его облик глубоко запал мне в память. Хотя мне приходилось видеть его и одного, и в присутствии Сталина, у

меня всегда складывалось впечатление, что он не проявлял никакой собственной инициативы и был счастлив играть роль послушного орудия в руках диктатора. Молотов сумел в течение двух десятилетий держаться в стороне от внутрипартийных споров и пережил жестокое время массовых чисток столь благополучно, что ни один волос с его головы не упал. Его усердие, его работоспособность, его память были беспримерны.

Вероятно, обладай он большей гибкостью и умением реалистически оценить существовавшее в то время соотношение сил, он послужил бы интересам собственной страны лучше, нежели своим вошедшим в поговорку вечным «нет». Как ни предан был Молотов своему властелину и повелителю, я все же думаю, что смерть Сталина вызвала у него вздох облегчения. Поручив этому человеку на решающей фазе развития германо-русских отношений осуществление своих приказов в области внешней политики, Сталин мог быть уверен, что никто другой не проявит такой верности долгу и такого слепого повиновения, как именно Молотов. Он был первым, кто изгнал из Комиссариата иностранных дел последних представителей интеллигенции, которые налагали свой отпечаток на это учреждение, и окружил себя почти исключительно великороссами, воспитанными так, чтобы беспрекословно воспринимать даже самые ошеломляющие повороты сталинской внешней политики.

Поэтому кажется оправданным предположение, что без предпринятой Сталиным широкомасштабной чистки государственного аппарата и партии союз между ним и Гитлером едва ли смог бы возникнуть, ибо такая попытка сорвалась бы из-за оппозиции со стороны Бухарина, Радека, Крестинского, Зиновьева, Раковского и им подобных.

Неожиданная отставка Литвинова не ускользнула от внимания Гитлера. Через два дня после получения Гитлером известия об этом министерство иностранных дел дало мне указание немедленно прибыть в Германию и явиться к министру. До тех пор я с господином Риббентропом лично не встречался. Но на основании всего того, что я о нем слышал, ждал этой встречи со смешанным чувством. Я был бы избавлен от этой поездки, если бы Шуленбург как раз в тот момент не отсутствовал в Москве (он должен был представлять имперское правительство на свадьбе наследника иранского престола) и если бы военный атташе генерал Кёстринг тоже не находился в поездке где-то по Восточной Сибири.

Приехав в Берлин, я узнал, что министр иностранных дел находится в Мюнхене. Гитлер пребывал на Оберзальцберге, около Берхтесгадена, а Риббентроп всегда старался держаться

поблизости. В результате я встретился с министром только 9 мая в Мюнхене. Мое первое впечатление о нем подтвердилось позднейшими наблюдениями. То был человек, занимавший пост, для которого он не имел ни надлежащего образования, ни дипломатического чутья и такта. Вследствие этого он страдал комплексом неполноценности, который стремился прикрыть претенциозными манерами, порой совершенно невыносимыми для окружающих. В своих постоянных усилиях утвердить себя в качестве важной персоны он ввел гротескный стиль жизни и работы, считая его подобающим для своего поста. Но чтобы министр орал на поседевшего на службе дипломата высокого ранга, да так, что срывал голос, в прежнее время в министерстве иностранных дел было просто немыслимо. Риббентроп же явно считал своим долгом и в этом копировать своего фюрера. Значительная часть его деятельности проходила в спорах с коллегами о компетенциях, чем он, кстати, способствовал усилению проводившейся Гитлером политики раздувания распрей и ревнивой зависти между членами своего кабинета. Риббентроп беспрестанно старался удержать благосклонность Гитлера и давать ему доказательства своей мнимой незаменимости. Один из применявшихся им способов заключался в том, что он имел при Гитлере своего доверенного человека, который был обязан постоянно сообщать ему, какие идеи и мнения высказывал фюрер в самом узком кругу приближенных, особенно во время ночных бесед с ними. Из этих высказываний Гитлера Риббентроп делал выводы о его намерениях и помыслах и при первой же оказии выдавал их ему за свои. Гитлер часто клевал на эту уловку Риббентропа и неоднократно превозносил его «феноменальную интуицию» и прозорливость, пока со временем глаза у него не открылись и он не увидел всю неполноценность своего министра иностранных дел.

Одной из привилегий, которую Риббентроп считал неотъемлемой от своей должности, был специальный поезд, который он потребовал для себя вскоре после начала войны, чтобы повсюду следовать за Гитлером и поддерживать с ним контакт. Этот особый поезд состоял из вагона-салона для самого министра, двух вагонов-ресторанов и вагонов для многочисленных сопровождающих лиц: референтов, адъютантов, секретарей и секретарш. Вся эта компания производила впечатление сущего цирка, который по требованию или прихоти своего хозяина разбивал свои шатры то здесь, то там.

Из вопросов, которые Риббентроп задал мне в Мюнхене, и по тому вниманию, с каким он выслушал мой доклад об общем положении в Советском Союзе, я сделал вывод, что он нуждается

в информации для Гитлера, у которого после от ставки Литвинова возник интерес к СССР. Мои сообщения явно отвечали тому, что сам Риббентроп желал доложить фюреру, ибо он закончил беседу словами, что еще сегодня же во второй половине дня хочет посетить Гитлера на Оберзальцберге, а я должен находиться в Берхтесгадене в готовности на тот случай, если фюрер пожелает увидеть меня лично.

Однако ничего подобного не произошло. Я напрасно про ждал до позднего вечера в Берхтесгадене, чтобы в конце концов выехать в Зальцберг, куда поздно вечером приехал и Риббентроп. Только на другой день в полдень нам сообщили, что Гитлер ожидает нас, и мы сразу же отправились в Бергхоф. Но сначала мне пришлось еще немного подождать, пока Риббентроп будет готов, поскольку он имел обыкновение спать до полудня. А потом мы с бешеной скоростью помчались по крутым поворотам на гору, где нас поджидала куча адъютантов с выражением ужаса на лицах и со словами, что фюрер уже проявляет нетерпение.

Через несколько секунд я стоял перед Гитлером, который подошел к нам, устремив на нас какой-то особенный, словно подстерегающий взгляд. Ни при этой, ни при последующих встречах с Гитлером я не испытал никакого завораживающего воздействия, которое ему так часто приписывалось. Его ничем не примечательный облик, заурядная челка, спадавшая на лоб, и смешные усики производили столь непривычное впечатление, что я невольно спросил себя, да возможно ли, чтобы одно его появление приковывало к себе взоры такого множества людей! А во время последовавшей затем беседы мне просто отвратительной показалась его привычка все время обкусывать ногти.

После краткого приветствия, во время которого не было сказано почти ни единого слова, мы прошли в одно из столь часто описывавшихся помещений, на торцевой стене которого имелось огромное окно с видом на великолепный альпийский ландшафт. Мы сели за круглый стол, я — напротив Гитлера, а Риббентроп — справа от него. Присутствовали лишь генерал-полковник Кейтель — начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта, Карл Шнурре — заведующий Восточным отделом экономического управления министерства иностранных дел и Вальтер Хевель — связной Риббентропа с Гитлером. Накануне вечером я имел случай говорить с Хевелем насчет предстоявшей встречи с Гитлером. Я высказал свою озабоченность тем, что, поскольку у меня с деловой точки зрения совершенно другие взгляды, чем у Гитлера, мне с трудом удастся внушить ему мои представления о Советском Союзе. Хевель успокоил меня: беспокоиться мне нечего, так как Гитлер по своей привычке вообще не даст мне

произнести ни слова, а, наоборот, будет развивать свои собственные мысли насчет России, после чего закончит совещание, так и не предоставив мне возможности высказаться.

Однако на деле получилось иначе: Гитлер открыл совещание вопросом о причинах, побудивших Сталина дать отставку Литвинову. Я ответил: по моему убеждению, он сделал это потому, что Литвинов стремился к соглашению с Англией и Францией, между тем как Сталин считал, что западные державы намерены заставить Россию в случае войны таскать для них каштаны из огня. Гитлер ничего не ответил, но взглядом дал понять Риббентропу, что мое объяснение внесло для него ясность. Затем он спросил, верю ли я в то, что Сталин при определенных условиях был бы готов установить взаимопонимание с Германией. Я почувствовал желание сделать Гитлеру резюме германо-советских отношений с 1933 г. и напомнить ему, как часто Советское правительство в первые годы его правления выражало желание сохранить прежние дружественные отношения с Германией. Однако я ограничился указанием на то, что 10 марта Сталин заявил: для конфликта между Германией и Советским Союзом никаких видимых причин нет. Меня поразило, что ни Гитлер, ни Риббентроп не были знакомы с этой речью, хотя посольство в Москве подробно сообщило о ней. По просьбе Риббентропа мне пришлось дважды зачитать соответствующее место.

Гитлер не высказал никакого собственного мнения о взаимопонимании с Советским Союзом, но потребовал, чтобы я доложил, «как в общем и целом обстоят дела в России». После того, что сказал мне Хевель, я менее всего ожидал этого. Итак, я для начала вдохнул поглубже, чтобы подумать, с чего же начать и чем кончить. Затем начал с констатации, что хотя большевизм и представляет для всего мира огромную опасность, но, на мой взгляд, его сдерживают твердая позиция и разумные экономические и политические соглашения. Я подчеркнул неоспоримые успехи индустриализации в СССР и растущую силу советского режима, а также указал на то, что огромные чистки 1936–1938 гг., жертвами которых пали до 80 % высших военачальников Красной Армии, хотя и значительно ослабили военную мощь Советского Союза, но отнюдь не уничтожили ее. Я обрисовал смысл и значение той борьбы за власть, которая шла между Сталиным и оппозиционными течениями, и рассказал, какой идеологический балласт Сталин выбросил за борт, когда ему стало ясно, что на базе одной лишь коммунистической доктрины здорового и способного противостоять всем государственного организма не создать. Имея в виду усилия

Сталина заменить революционный энтузиазм новым советским патриотизмом, я упомянул об оживлении возвеличивания национальных героев, старых русских традиций, о недавних мерах по поощрению семейной жизни, о введении вновь строгой дисциплины в армии, на промышленных предприятиях и в школах, а также о борьбе с экспериментами в области театра, музыки и изобразительных искусств.

Гитлер весь подался вперед и слушал внимательно. Впервые сделав паузу, чтобы немного передохнуть, я надеялся, что теперь Гитлер перейдет к вопросу о будущих отношениях между Германией и Советским Союзом. Но я сильно ошибся: он ограничился несколькими равнодушными словами благодарности при прощании. Потом я узнал, что он выразил Риббентропу недовольство моими высказываниями насчет успехов советской индустриализации и укрепления национального самосознания населения. «Вполне возможно, — сказал он, — что Хильгер стал жертвой советской пропаганды. Если это так, его представление о царящих в России условиях никакой ценности для меня не имеет. Если же он прав, я не должен терять времени, чтобы не допустить дальнейшей консолидации Советского Союза».

Тем не менее спустя десять дней после моего посещения Бергхофа посольству было дано указание сообщить русским, что теперь мы готовы возобновить переговоры о торговом соглашении и с этой целью послать в Москву д-ра Шнурре. К моему изумлению, Молотов ответил, что предшествующий ход экономических переговоров и особенно отказ от поездки Шнурре в Москву в январе создали впечатление, что имперское правительство в действительности ведет эти переговоры не всерьез и хочет использовать их лишь для того, чтобы получить политические выгоды. А потому он может заявить о своем согласии на возобновление торговых переговоров, только если для того предварительно будет создана необходимая «политическая основа». Тщетно пытался граф Шуленбург выяснить, что же он понимает под «политической основой».

В ответ на сообщение Шуленбурга в Берлине было решено «вести себя совершенно спокойно и выждать, не заговорят ли русские снова». Мы же в московском посольстве были склонны предполагать, что слова Молотова следует считать равно значимыми приглашению к политическому взаимопониманию. Но, спрашивается, можно ли принимать подобное откровение всерьез? Действительно ли русские решились пойти на взаимопонимание с национал-социалистической Германией, или же их предложение — только трюк с целью оказать давление на Великобританию и Францию? С другой стороны, мы наблюдали,

сколь сдержанно Советское правительство вело себя по отношению к западным державам и сколь упорно оно настаивало на тех условиях, на которые, как Молотов должен был заранее знать, Англия и Франция едва ли согласятся. Так какую же цель преследует Советское правительство? Кого же Сталин предаст в конце концов?

Тем временем мысль о возможности нового сближения, несмотря на все предубеждения обеих сторон, все более укреплялась. В начале июня министерство иностранных дел вновь начало заниматься Берлинским договором о нейтралитете [1926 г.], который все еще продолжал действовать, поскольку в 1931 г. был продлен на неопределенный срок и с тех пор не денонсировался. Однако практически он потерял всякое значение, так что возник вопрос, не следует ли его оживить снова. 28 июня [1939 г.] Шуленбург имел с Молотовым встречу, во время которой заявил, что «Германия не имеет злых намерений против Советского Союза, поскольку Берлинский договор все еще остается в силе». Торговые переговоры тоже потихоньку наладились, и в начале июля советский офицер впервые снова появился на коктейле у генерала Кёстринга.

Но только в конце июля Гитлер решил взять в свои руки инициативу установления взаимопонимания с русскими. Шнурре были даны полномочия пригласить 26 июля на ужин советского поверенного в делах Астахова и торгового представителя Бабарина. На этой встрече оба русских охарактеризовали новое сближение между Советским Союзом и Германией как жизненно важное для обеих сторон. 3 августа граф Шуленбург более часа говорил с Молотовым и вынес из этой беседы впечатление, что Кремль действительно готов улучшить свои отношения с Германией, но что старое недоверие к Третьему рейху и его антикоминтерновской политике еще весьма живо. Свое донесение в Берлин посол закончил словами: «Полагаю, что мои сообщения произвели на Молотова впечатление; несмотря на это, с нашей стороны потребуются значительные усилия, чтобы создать у Советского правительства перелом».

Однако тремя днями раньше в Москву прибыли британская и французская военные миссии, что, кажется, окончательно убедило Гитлера в необходимости сначала обеспечить себе прикрытие своего тыла русскими, если он до конца года желает начать войну против Польши. В ранние утренние часы 15 августа посол получил от Риббентропа срочную телеграмму с указанием немедленно посетить Молотова и сообщить ему, что он, Риббентроп, готов «прибыть в Москву с кратким визитом, чтобы от имени фюрера изложить господину Сталину точку зрения

фюрера». В той же телеграмме содержалось, в частности, и такое утверждение: «Не подлежит никакому сомнению, что германо-русские отношения достигли ныне своего исторического поворотного пункта. Политические решения, подлежащие в ближайшее время принятию в Берлине и Москве, будут иметь решающее значение для формирования отношений между немецким и русским народами на много поколений вперед. От них будет зависеть, скрестят ли оба народа вновь и без достаточных к тому оснований оружие, или же они опять придут к дружественным отношениям. Обоим народам в прошлом было всегда хорошо, когда они были друзьями, и плохо, когда они были врагами».

Хотя сообщения посла явно произвели на Молотова впечатление, он, казалось, полагал, что именно теперь должен проявить известную сдержанность и позволить себе ряд вопросов. Он высказал мнение, что «поездка такого выдающегося дипломата и государственного деятеля, как Риббентроп», нуждается в тщательной подготовке. Кроме того, он хотел предварительно выяснить такие вопросы: была бы Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении? Использовала бы она свое влияние на Японию, чтобы добиться улучшения отношений последней с Советским Союзом? И пойдет ли в связи с предстоящими переговорами также речь и о Прибалтийских государствах?

Когда через два дня граф Шуленбург дал на все эти вопросы утвердительный ответ, Молотов констатировал, что «первым шагом к улучшению отношений могло бы послужить заключение торгового и кредитного соглашения». Тем самым Молотов просто-напросто занял позицию, прямо противоположную той, которой он придерживался 20 мая. Тогда было сказано, что, наоборот, начало торговых переговоров зависит от предварительного создания «политической основы». Этот инцидент был характерен для тактики Сталина, который, исчерпав все имеющиеся у него возможности, произвольно — не считаясь с ранее сделанными заявлениями — менял свои установки. Более показательный пример того, что правительство Советского Союза рассматривало и использовало внешнюю торговлю только в качестве функции внешней политики, вряд ли найти. Как sine qua non[9] для заключения пакта о ненападении Молотов назвал одновременное подписание протокола, в котором «должны найти свое отражение германские заявления от 15 августа».

Что имелось под этим в виду, не требовало никакого разъяснения: советское пожелание распространялось на высказанную 15 августа германскую готовность «договориться» с

Советским Союзом по таким вопросам, как «Балтийское море, Прибалтика и т. д., и в данном случае также совместно выяснить и территориальные вопросы Восточной Европы».

19 августа Молотов получил от нас сообщение, что Риббентроп, если его поездка в Москву состоится, будет уполномочен подписать специальный протокол, который должен урегулировать интересы обеих сторон в районе Балтийского моря, вопрос о Прибалтийских государствах и т. д. Хотя отныне никаких сомнений в том, что Гитлер решил отдать Прибалтийские государства Советскому Союзу, больше не было, Молотов все еще не решался дать окончательный ответ насчет приезда Риббентропа в Москву. Наоборот, он окопался за необходимостью получить инструкции «своего правительства» (Сталина), а также иметь более точное сообщение о том, какие пункты должны быть включены в протокол.

Но не успел граф Шуленбург несолоно хлебавши вернуться в посольство, как его по телефону снова позвали в Кремль, где он констатировал, что за это время Сталин лично вмешался в дело, ибо Молотов не только вручил нам проект пакта о ненападении, но и сообщил, что Риббентроп может прибыть в Москву, скажем, через неделю после подписания торгового соглашения.

Однако для Гитлера дело явно двигалось недостаточно быстро, ибо 20 августа он направил Сталину телеграмму, в которой устранял все сомнения насчет содержания протокола и настаивал на том, чтобы Риббентроп был принят в Москве 23 августа.[10]

Телеграмма с грифом «сверхсрочно» была отправлена Риббентропом послу Шуленбургу с личным поручением Гитлера немедленно вручить ее Молотову для передачи Сталину в 18.45 20 августа 1939 г. и получена германским посольством в Москве в 0.45 21 августа 1939 г. В 10.15 21 августа 1939 г. Риббентроп дополнительно шлет Шуленбургу прибывшую в Москву в 14.30 того же дня телеграмму: «Прошу со всей энергией позаботиться о том, чтобы поездка состоялась. Дата — как в [предыдущей] телеграмме». Письмо Гитлера Шуленбург передал Молотову. Ответ Сталина на письмо Гитлера см.: Год кризиса. Т. 2. С. 303. Молотов передал его Шуленбургу 21 августа в 17 час. — *Примеч. сост.*

Известие это, по свидетельству Хевеля, было воспринято Гитлером с необузданной радостью. С возгласом: «Ну, теперь весь мир — у меня в кармане!» — он стал обоими кулаками барабанить по стене и вообще повел себя как умалишенный. Риббентроп прибыл в Москву 23 августа на самолете. Первая беседа в Кремле началась в 15.30. Она длилась три часа и

продолжилась вечером. Задолго до полуночи состоялось под писание пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола, который определил судьбу Польши, Прибалтийских государств и Бессарабии.

В данном случае Сталин впервые лично вел переговоры с представителем иностранного государства о заключении договора. До тех пор он избегал всякого контакта с иностранцами, за исключением отдельных случаев, когда речь шла о таких видных личностях, как американский посол Буллит, немецкий писатель Эмиль Людвиг, зарубежные публицисты крупного масштаба. Когда иностранные дипломаты пытались при помощи Наркомата иностранных дел попасть на прием к Сталину, им отвечали, что Сталин — лишь партийный деятель и непосредственно внешней политикой не занимается. Юридически такое положение существовало до 6 мая 1941 г., когда Сталин занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, которым до тех пор являлся Молотов.

Когда Риббентроп в сопровождении графа Шуленбурга 23 августа прибыл в Кремль, он думал, что ему придется вести переговоры с одним Молотовым, а Сталин, возможно, присоединится к переговорам па более поздней стадии. Поэтому Риббентроп был поражен, когда, войдя, увидел стоящего рядом с Молотовым Сталина. Это был заранее рассчитанный Сталиным эффект и вместе с тем явное предостережение Риббентропу, что договор будет либо заключен прямо на месте, либо — никогда.

Сталин держался очень естественно и без всякой претенциозности, что тоже принадлежало к его тактике ведения переговоров, при помощи которой он умел расположить к себе партнеров и усыпить их бдительность. Но поражало, сколь быстро его любезное поведение, добродушно-шутливое по отношению к Риббентропу, или его обращение с советским переводчиком В. Н. Павловым переходило в леденящий холод, когда он давал лаконичные приказания своим подчиненным или ставил им деловые вопросы. Я и сейчас очень четко вспоминаю о той подобострастной манере, с какой народные комиссары, словно школьники, вскакивали со своих мест, лишь только Сталин изволил адресовать им вопросы. На всех беседах, на которых присутствовал Сталин, Молотов был единственным, кроме Ворошилова, кто говорил со Сталиным как с товарищем. И все-таки обращало на себя внимание то, как глядел он на Сталина, как счастлив был служить ему.

В начале переговоров иногда случалось, что Сталин предлагал Молотову председательствовать вместо него. Твердые правила игры, согласно которым от имени Советского

правительства говорил один Сталин, требовали, чтобы Молотов поначалу отказывался. Однажды, когда Сталин велел Молотову говорить вместо себя, тот ответил: «Нет, говорить должен ты, ведь ты это сделаешь лучше меня». Тогда Сталин ясно и четко обрисовал советскую точку зрения, а затем Молотов с довольной улыбкой обратился к германской делегации: «Разве я не сказал сразу, что он сделает это намного лучше меня?»

Манера обращения Сталина с другими членами Политбюро, казалось, соответствовала их личным отношениям с ним. С Ворошиловым он говорил сердечно, как со старым однополчанином, с Берией и Микояном — дружески, с Кагановичем — по-деловому и несколько сдержанно. Я никогда не слышал, как он говорил с Маленковым, но на заседаниях Верховного Совета СССР, на которых я присутствовал, Маленков обычно сидел рядом со Сталиным. У них было много что сказать друг другу, и их поведение позволяло предполагать тесные доверительные отношения.

Когда Сталин участвовал в заседаниях, явно проявлялся его подавляющий авторитет. Даже в стилистических вопросах, когда речь шла о том, чтобы найти подходящие слова, он решающим образом вмешивался в это дело с присущей ему убежденностью в своей правоте.

Вспоминаю, как я передавал ему присланный из Берлина проект совместного коммюнике о советском вступлении в Польшу. Я перевел проект на русский язык, и Сталин должен был дать согласие на составленный в Берлине текст. Пробежав его глазами, он попросил посла разрешить внести некоторые изменения. Сделал он это всего за несколько минут, ни разу не посоветовавшись с сидевшим рядом Молотовым, затем возвратил мне исправленный текст с просьбой перевести его для посла на немецкий. Хотя своими поправками Сталин решительно улучшил коммюнике, графу Шуленбургу пришлось заявить, что он должен сначала получить согласие своего правительства. На это Сталин сказал: «Но не забудьте, что и древние римляне не вступали в битву голыми, а прикрывались щитами. А сегодня роль таких щитов, защищающих нас от общественного мнения наших народов, играют искусно составленные политические коммюнике». Утверждение измененного текста последовало из Берлина незамедлительно. Позже я узнал, что оба текста были представлены Гитлеру для сравнения, и он тут же безоговорочно предпочел сталинский, сказав: «Конечно, этот! Разве вы не видите, что он намного лучше? Кто, собственно, его сформулировал?»

Весьма впечатляющими были и познания Сталина, когда он, к

примеру, во время переговоров насчет германских поставок говорил о конструкциях броневых орудийных башен на крейсерах, которые должна была поставить Советскому Союзу Германия, или когда речь заходила об иных технических вопросах. Без категорического утверждения Сталиным было невозможно добиться каких-либо советских уступок в области поставок сырья из Советского Союза. Если же такое утверждение имелось в наличии, оно было равнозначно приказу, который точно исполнялся. Переговоры 23 августа оказались простыми.[11] Господин Риббентроп никаких новых предложений не привез, но прибыл с желанием покончить дело с подписанием пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола как можно быстрее и сразу же уехать.

Его заявления Сталину и Молотову в значительной мере ограничивались воспроизведением того хода мыслей, который служил предметом предварительных переговоров между Молотовым и Шуленбургом и содержался в телеграфных директивах из Берлина. Риббентроп рассыпался в заверениях о доброй воле Германии, на которые Сталин реагировал сухо, деловито и лаконично.

Редактирование текста пакта не составило никаких трудностей, так как Гитлер в принципе принял советский проект. Однако окончательный текст получил два важных дополнения: статью 3, в которой договаривающиеся стороны соглашались постоянно консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы, и статью 4, согласно которой ни одна из договаривающихся сторон не должна была участвовать в каких-либо группировках, направленных против другой стороны. Срок действия пакта вместо предусматривавшихся 5 лет продлевался до 10 лет. Согласно статье 7, определялось, что пакт должен вступить в силу сразу же после его подписания, а не после ратификации, как первоначально планировалось.

Секретный дополнительный протокол, которому русские придавали наибольшее значение, предусматривал разграничение сфер интересов обеих сторон в Восточной Европе. Согласно ему, граница между германской и советской сферами влияния в районе Балтийского моря проходила по северной границе Литвы, а в Польше — вдоль течения рек Нарев, Висла и Сан. Кроме того, секретный дополнительный протокол признавал русское притязание на Бессарабию.[12]

Если попытаться представить себе причины, которые мог ли побудить Сталина договориться в августе 1939 г. с Гитлером, приходишь к следующим соображениям.

Сталин был всегда убежден в том, что война между

капиталистическими державами рано или поздно разразится. Для Советского Союза он ожидал от этого только выгоду, поскольку говорил, что война ослабит капиталистические державы и изменит соотношение сил в пользу СССР. Однако последнее — только при том предварительном условии, что ему удастся исключить Советский Союз из военного конфликта. Так представлял себе тогда обстановку Сталин, считая, что заключение пакта о ненападении с Германией создаст желательную ситуацию, прежде всего по следующим причинам:

1. Заключение пакта ликвидировало бы непосредственную опасность германского нападения на Советский Союз.

2. Заверения, полученные от Риббентропа и соответственно от Гитлера, убедили его в том, что Гитлер нападет на Польшу, как только добьется советского прикрытия с тыла.

3. Сталин, в противоположность Гитлеру, не сомневался в том, что Англия и Франция выполнят свои обязательства в отношении Польши. Поэтому возникновение войны между великими державами и Германией он считал обеспеченным.

4. Таким образом, Сталин рассчитывал получить ценную отсрочку, которая позволит ему ускоренно вести дальнейшее вооружение Советского Союза. В остальном же он хотел выждать дальнейший ход развития, чтобы в надлежащий момент, когда воюющие державы будут в достаточной степени ослаблены, оказаться в состоянии бросить на всемирно-историческую чашу весов всю мощь Советского Союза.

5. Предусмотренное секретным дополнительным протоколом разграничение сфер интересов в Восточной Европе дало бы Советскому Союзу возможность овладеть важнейшими стратегическими позициями в Прибалтике. За эти позиции два с лишним века назад царь Петр Великий, которого Сталин взял себе за образец, вел войну 20 лет. Теперь же они без всякой борьбы падали ему с неба благодаря заключению пакта с Гитлером.

Итак, у него были все основания быть довольным этими соглашениями. Об этом говорит то удовлетворение, которое он явно выражал при подписании договоров Молотовым и Риббентропом, и то внимание, которое он проявлял к их осуществлению. Он лично принял деятельное участие в составлении совместного коммюнике, которое должно было быть опубликовано после подписания пакта. При этом он придавал большое значение такому тексту, который мог бы сделать убедительным для общественности столь внезапный поворот в германо-советских отношениях. Так, предложенный Риббентропом проект, в котором новоявленная германо-советская

дружба превозносилась в чрезмерно преувеличенных выражениях, он отверг со следующими словами: «Не думаете ли вы, что мы должны несколько больше считаться с общественным мнением в обеих наших странах? В течение многих лет мы ушатами лили помои друг на друга и наши пропагандисты усердствовали в этом отношении. И вот вдруг от всего этого отказаться и все это забыть? Такие вещи так быстро не делаются. Мы, и, я полагаю, то же самое относится и к германскому правительству, должны с большей осмотрительностью сообщить нашим народам о тех изменениях, которые про изошли в отношениях между нашими странами». И с этими словами Сталин положил на стол свой собственный проект более умеренного коммюнике, который был принят германской стороной без всяких возражений.

Что касается Гитлера, то он, как кажется, в течение первых 5–6 месяцев после заключения договоров верил, что они не только осуществили непосредственную цель, но и заложили основу выгодных для обеих сторон отношений на ближайшие годы. Я обладал надежной информацией о том, что зимой 1939/40 г. Гитлер неоднократно высказывался в этом духе в кругу своих ближайших сотрудников. Мысль о том, что Сталин в подходящий момент сможет оказать нажим на ослабленную войной Германию, в то время еще явно не беспокоила Гитлера. Напротив, тогда он казался твердо убежденным в том, что военное превосходство Германии обеспечено на длительный срок и что Сталин уже по одной этой причине увидит себя вынужденным придерживаться заключенных договоров. О переменах, которые произошли в отношении Гитлера к Сталину и Советскому Союзу летом 1940 г., речь пойдет ниже.

Во время встреч со Сталиным я неоднократно имел случаи делать выводы из того, что он говорит и делает, о его отношении к людям и делам. Явно чувствовалось, что на него произвели сильное впечатление определенные черты характера и действий Гитлера. При этом у меня уже тогда возникло гнетущее чувство, что ему, очевидно, импонировали именно те качества и те решения Гитлера, которые стали роковыми для Германии. Но и Гитлер никогда не скрывал, что он (разумеется, за исключением своей собственной персоны) считал Сталина самым значительным из всех современников.[13]

Разница между обоими тут состояла только в том, что Гитлер сохранил свое восхищение Сталиным до самого конца, между тем как отношение Сталина к Гитлеру превратилось в жгучую ненависть, а затем в глубочайшее презрение.

Характерными для Сталина были и некоторые его реплики. Например: если Япония хочет иметь войну, она может ее

получить, ибо терпение Советского правительства в отношении японских провокаций тоже имеет свои пределы. Когда в связи с этим речь зашла о последнем столкновении между советскими и японскими войсками на маньчжурской границе в районе реки Халхин-Гол, Сталин с удовлетворением констатировал, что при этом красноармейцами уничтожено не менее двадцати тысяч японцев. «Это — единственный язык, который понимают азиаты, — сказал он прямо-таки с садистским удовольствием. — Впрочем, я сам — один из них и знаю, что говорю».

Об Англии Сталин высказывался с открытой враждебностью и недооценкой, считая, что если она, несмотря на слабость своей армии и воздушного флота, господствует в мире, то это объясняется глупостью других стран, которые постоянно поддаются ее блефу.

Каково было на душе у графа Шуленбурга и у меня в то время, когда нам пришлось познакомиться с тогдашними руководителями Советского Союза ближе, чем нам хотелось, можно себе представить. И если мы тем не менее честно содействовали усилиям по установлению взаимопонимания с Советским правительством, то это делалось нами в надежде, что пакт о ненападении с Советским Союзом сможет оказаться инструментом мира. Сколь ни неправдоподобно звучит это сегодня, но летом 1939 г. мы действительно считали, что, как только Германия создаст себе русское прикрытие с тыла, Англия и Франция заставят Польшу проявить умеренность. В качестве следствия этого мы ожидали достижения германо-польского взаимопонимания и предоставления [Польшей] «коридора через коридор». Находясь в московской дали, мы были склонны верить заверениям Гитлера, что тогда он «больше не будет предъявлять никаких территориальных требований в Европе». Подобное решение польской проблемы мы рассматривали как единственную возможность не допустить Второй мировой войны. Когда в ходе дальнейших переговоров мы осознали тот факт, что Гитлер вообще не желал никакого взаимопонимания с Польшей и вел дело к войне, мы попытались утешить себя мыслью, что германо-польское столкновение все же лучше, чем мировая война.

Чувство, с которым граф Шуленбург и я выполняли указания из Берлина, было окрашено этими опасениями и размышлениями. Впрочем, они усилились в результате осознания того, что Сталин ничего не желал так всей душой, как войны [на Западе], которая ослабит участвующие в ней государства и затем даст ему возможность диктовать свою волю всему миру. Моя попытка наглядно разъяснить Риббентропу обоснованность этих опасений была отброшена со свойственным ему высокомерием.

Огромная масса советского населения восприняла известие о заключении пакта с облегчением и удовлетворением. Для него оно означало устранение той опасности войны, которая кошмаром давила на него с 1933 г. Неожиданным образом население оказалось склонным верить официальным советским заявлениям, в которых западные державы изображались поджигателями войны и обвинялись в намерении использовать Советский Союз в собственных целях. Популярный журнал отражал распространенное тогда мнение, что пакт с Германией улучшил международное положение Советского Союза. В связи с решением вопроса о Прибалтийских государствах ходила даже частушка об Иоахиме Риббентропе, содержавшая аналогию с Петром Великим: «Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл окно в Европу». В низовых партийных кругах Советского Союза внезапное изменение курса кое-где вызвало удивление и смятение. Немалому числу членов партии было трудно свыкнуться с мыслью, что во мгновение ока Германия из врага № 1 превратилась в друга. Само собою разумеется, никто не решался открыто критиковать мероприятия правительства: ведь у членов партии глубоко засели в сознании чистки 1936–1938 гг. И все-таки звучали опасения, не нападет ли Германия, после того как она проглотила Польшу, на Советскую Россию? Такие течения, даже если они и не выходили на поверхность, не мог оставить без внимания и сам Сталин. Поэтому проводились закрытые собрания, на которых партийных функционеров и «актив» учили, какими аргументами они должны убеждать сомневающихся. При этом подчеркивалось, что соглашение с Германией — отнюдь не брак по любви, а только брак по расчету, который может быть расторгнут, если того потребуют обстоятельства. Ораторы взывали прежде всего к долгу каждого члена партии питать «безграничное доверие к Сталину, который точно знает, что и почему он делает».

Внешне смена курса отчетливо проявлялась в том, что из печати, на радио, со сцены и с киноэкрана исчезло все, что хоть отдаленно могло восприниматься как критика Германии и национал-социализма. Вместо обычных дотоле нападок на якобы роковое воздействие, которое Германия оказывала на царскую Россию, теперь стали появляться материалы о благотворном влиянии германского духа на культурное развитие русского народа. Известный историк Тарле, который с 1933 г. постоянно, желчно и ядовито, выступал против Германии, поспешил раньше других открыть, что немцы издавна играли в России весьма положительную роль. Бисмарк и его политика, благодаря публикации русского перевода его «Мыслей и воспоминаний»,

теперь тоже должны были стать достоянием русского народа. В московском Большом театре ставились оперы Вагнера, восторженно принимавшиеся публикой. Официальные военные сводки командования германского вермахта печатались всеми советскими газетами на видном месте. Кроме того, Советское правительство давало и ощутимые доказательства своей якобы доброй воли, создав на Кольском полуострове базу снабжения для германских подводных лодок.

Непосредственным и роковым следствием установления взаимопонимания Германии с Советским Союзом явилось ее нападение на Польшу 1 сентября 1939 г., положившее начало Второй мировой войне.

3 сентября граф Шуленбург напомнил Советскому правительству, что оно должно сделать выводы из секретного дополнительного протокола и двинуть Красную Армию против польских вооруженных сил, находящихся в сфере советских интересов.

Как всегда осторожный, Сталин не желал допускать, чтобы его вовлекли в какие-либо чересчур поспешные действия. Целых четырнадцать дней он вел себя тихо и наблюдал за продвижением армий Гитлера. Даже когда германские войска, преследуя отступающие польские части, через Вислу вторгались в советскую сферу влияния, Сталин, несмотря на настойчивые требования германской стороны вступить в Польшу, отказывался это сделать, мотивируя тем, что несоблюдение согласованного разграничения сфер взаимных интересов все равно не предотвратило бы предусмотренного раздела Польши. Для этого бездействия имелись три причины: первая — Сталин считался с мировой общественностью, которую он не хотел снова неприятно поразить; вторая — его решение начать действовать только тогда, когда ему представится удобный предлог для вступления в Польшу, и третья — тот факт, что Кремль переоценивал силу военного сопротивления Польши и рассчитывал на более длительную кампанию.

10 сентября Молотов заявил графу Шуленбургу: Красной Армии для ее подготовки требуется еще две-три недели. Но уже 16 сентября, когда польское правительство покинуло страну, Молотов сообщил, что Сталин примет посла «еще сегодня же ночью» и назовет ему «день и час советского наступления». При этом Молотов заявил: «Советское правительство в подлежащем публикации только им одним коммюнике обоснует свое решение, в частности, тем, что вследствие развала польского государства оно видит себя обязанным выступить на защиту своих украинских и белорусских братьев и дать этому несчастному населению

возможность спокойно трудиться». Граф Шуленбург выразил удивление столь своеобразной формулировкой коммюнике. Ведь оно законно вызывает вопрос, от кого, собственно, следует защищать украинцев и белорусов, раз на польской территории находятся только германские и советские войска. К тому же в этой форме коммюнике создаст за границей впечатление, будто между Германией и Советским Союзом что-то не в порядке. Вопрос о коммюнике был решен только через два дня, после того как вмешался лично Сталин, и было предложено совместное коммюнике, с текстом которого согласились наконец обе стороны.

17 сентября в 2 часа ночи граф Шуленбург, германский военный атташе генерал Кёстринг и я были приглашены к Сталину. Сталин объявил нам, что в 6 часов утра Красная Армия перейдет советскую границу по всей линии от Полоцка до Каменец-Подольского, и просил нас соответствующим образом известить об этом компетентные германские органы. Ошеломленный военный атташе попытался объяснить, что за те несколько часов, которые еще имеются в его распоряжении, своевременно поставить об этом в известность войска невозможно и потому неизбежны столкновения. Однако Ворошилов отклонил все возражения Кёстринга репликой, что немцы при их испытанном организационном таланте легко справятся и с этой ситуацией. Ворошилов оказался прав, поскольку при русском продвижении и при встрече советских и германских войск никаких значительных недоразумений не произошло.

25 сентября Сталин вновь вызвал к себе посла, чтобы заявить ему: при окончательном урегулировании польского вопроса следует избежать всего, что в будущем могло бы вызвать трения между Германией и Советским Союзом. Со словами, что если с этой точки зрения «сохранение самостоятельного остатка Польши кажется ошибочным», Сталин предложил внести в секретный дополнительный протокол следующее изменение предусмотренной ранее демаркационной линии: Литва должна быть включена в советскую сферу влияния, за что Германия может быть компенсирована расположенной между Вислой и Бугом польской территорией, которая охватывает Люблинское и Варшавское воеводства. В случае согласия Германии, добавил Сталин, Советский Союз немедленно приступил бы к решению проблем Прибалтийских государств в соответствии с соглашениями от 23 августа и ожидает при этом безоговорочной поддержки со стороны германского правительства.

Для переговоров по этому предложению 27 сентября в 5 часов дня в Москву со вторым визитом прибыл Риббентроп. На

аэродроме приветствовать его собралось много высоких партийных функционеров и несколько высших офицеров Красной Армии, был выстроен почетный караул. Переговоры со Сталиным и Молотовым начались 27 сентября поздно вечером, продолжались во второй половине следующего дня и закончились ранним утром 29-го подписанием договора о границе и дружбе, который вошел в историю с датой 29 сентября 1939 г.[14] В качестве важного пункта он содержал договоренность о разграничении сфер влияния согласно сталинскому предложению. Одновременно обе стороны договорились о начале экономических переговоров, о переселении немцев из советской сферы влияния в Германию, а также о многом другом. В ходе переговоров со Сталиным Риббентроп высказал большой оптимизм насчет военного положения Германии и подчеркнул, что Германия не нуждается ни в какой военной помощи Советского Союза, но рассчитывает на поставку важных военных материалов.

Вечером 28 сентября Молотов дал в честь Риббентропа банкет, на котором вместе со Сталиным присутствовали многие высокие советские руководители, такие как Микоян, Каганович, Ворошилов и Берия. Сталин был в весьма хорошем расположении духа, и Риббентроп позже не раз повторял: «Я чувствовал себя в Кремле так хорошо, словно находился среди старых национал-социалистических партайгеноссен». Общее настроение подогревалось тем, что по инициативе Сталина Молотов произносил множество тостов за здоровье присутствующих. Однако сам Сталин в тот вечер почти не пил. Я сидел наискосок от него. Берия, сидевший рядом со мной, все время старался уговорить меня выпить перцовки больше, чем мне хотелось. Сталин заметил, что мы с Берией о чем-то спорим, и спросил о причине. Когда я ему ответил, он сказал: «Ну, если вы пить не хотите, никто вас заставить не может». — «Даже шеф НКВД?» — спросил я шутя. На это последовал ответ: «Здесь, за этим столом, даже шеф НКВД значит не больше, чем кто-нибудь другой».

Занавес падает

Польша была уничтожена и разделена. Мы были свидетелями того, как Сталин толстым цветным карандашом собственноручно провел на географической карте линию, которая начиналась там, где южная граница Литвы упиралась в восточную границу Германии, и оттуда шла на юг до чехословацкой границы. На основе этой линии специальная комиссия должна была потом определить точное прохождение границы — работа, доставившая

много труда и приводившая к долгим спорам, так как советские партнеры рангом пониже рабски держались синей линии, даже если на практике это вело к таким бессмысленным последствиям, как расчленение небольших населенных пунктов и жилищ, только потому, что линия эта была начертана рукой самого Сталина.

В остальном же первые месяцы, казалось, оправдывали надежды, которые возлагались обеими сторонами на вновь возникшую дружбу. К тому же поначалу обе стороны старались давать доказательства своей доброй воли и стремились тщательно избегать любого нарушения обязательства консультироваться друг с другом.

В октябре 1939 г. были начаты экономические переговоры, которые, однако, закончились только 11 февраля 1940 г., то есть привели к заключению соглашения лишь через четыре месяца: ввиду недоверия нижестоящих советских партнеров и их боязни брать на себя ответственность они все время затягивались. Отдельные вопросы должны были докладываться лично Сталину, поскольку обычным путем решению они не поддавались.

По этому договору Советский Союз кроме поставок сырья на сумму 100 млн. рейхсмарок в соответствии с кредитным соглашением от 19 августа должен был поставить в течение первых 12 месяцев сырье на сумму 500 млн. рейхсмарок. В том числе — 1 млн. тонн фуражного зерна и бобовых, 900 тыс. тонн нефти, 100 тыс. тонн металлолома и чугуна, 2400 килограммов платины и многое другое. Германские поставки включали промышленные изделия, промышленную технологию и оборудование, а также военное снаряжение.

Во исполнение обязательства консультироваться друг с другом, которое договаривающиеся стороны взяли на себя согласно статье 3 пакта о ненападении, граф Шуленбург 7 мая [1940 г.], то есть за три дня до германского вторжения в Бельгию и Голландию, посетил Молотова, чтобы проинформировать его о предстоящей акции Германии. Молотов дал ясно понять, на сколько она была желательна для советского правительства. «Советское правительство, — сказал он, — проявляет полное понимание того, что Германия должна защититься от англо-французского нападения». Чего ждало Советское правительство от германского наступления на Голландию и Бельгию, было совершенно ясно: более упорного англо-французского сопротивления, затягивания войны, а тем самым еще большего ослабления как Германии, так и ее противников.

Однако Сталин ошибся в оценке соотношения сил и перспектив военных операций во Франции. Он ошибся точно так же, как в свое время в оценке предположительной длительности

германского похода на Польшу. На сей раз он переоценил значение линии Мажино, рассчитывая на затяжную позиционную, окопную войну между Германией и западными державами.

В ходе событий, которые разыгрались со времени заключения пакта о ненападении (23 августа 1939 г.) до начала войны между Германией и Советским Союзом (22 июня 1941 г.), любой наблюдатель мог вновь и вновь констатировать, что, несмотря на большие способности, которыми Сталин обладал как политический деятель и которым он был обязан своим выдающимся положением, он совершал грубые ошибки, имевшие неблагоприятные для Советского Союза последствия. Конечно, он сумел извлечь из переговоров с Гитлером наибольшие выгоды, которые на основе секретного дополнительного протокола привели к овладению частью Польши, Прибалтийскими государствами и Бессарабией и увеличили население Советского Союза на 13 млн. человек. Но одновременно Сталин продемонстрировал недостаточное знание соотношения сил между Германией и Польшей, когда он значительно переоценил силу сопротивления Польши германскому нападению. Это выявилось, когда Сталин встал перед задачей сделать своевременные выводы из заключенных с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов.

Во второй раз Сталин показал себя плохо информированным, когда в ноябре 1939 г. с недостаточными силами и в неблагоприятный момент начал войну с Финляндией и тем самым открыл Гитлеру и всему остальному миру глаза на неудовлетворительную боеспособность Красной Армии.

При заключении пакта о ненападении Сталин, как уже отмечалось, исходил из предположения, что Германия и западные державы настолько взаимно ослабят друг друга, что в подходящий момент он сможет бросить на чашу весов мировой политики военную мощь Советского Союза. Когда же 10 мая 1940 г. Гитлер нанес решающий удар по Франции, Сталин был убежден, что линия Мажино окажется для наступающих неприступной и стороны увязнут в изнурительной позиционной войне.

Уже 17 мая 1940 г. Сталин был вынужден передать через Молотова германскому послу свои «самые горячие поздравления в связи с успехами германских войск» во Франции. Но одновременно Молотов поставил посла в известность, что советское правительство направит в Прибалтийские страны своих специальных эмиссаров, чтобы обеспечить создание там новых, приемлемых для Советского правительства правительств. А еще через пять дней Молотов сообщил нам, что советское

правительство решило — если потребуется, силой — осуществить возвращение Бессарабии и что оно претендует на Буковину.

Вскоре после этого Прибалтийские государства, Бессарабия и Северная Буковина были включены в состав Советского Союза. Было ясно, что советское правительство, обеспокоенное неожиданными германскими успехами во Франции, решило ускоренными темпами расширить и укрепить свои позиции, чтобы извлечь максимальную пользу из заключенных с Германией соглашений о разграничении сфер обоюдных интересов. При этом Сталин был столь неосторожен, что в орбиту своих экспансионистских устремлений включил Буковину, хотя о ней в германо-русских договорах не было и речи и она никогда России не принадлежала. Включение Северной Буковины в состав Советского Союза являлось нарушением германо-советских договоренностей. Когда посол заявил Молотову протест против этого акта, тот не только попытался оправдать советский шаг, но и добавил, что в том случае, если советское правительство проявит интерес к включению и Южной Буковины, оно ожидает в этом поддержки со стороны германского правительства.

В дальнейшем у германской стороны возникло раздражение в связи с введением советских войск в Литву. При заключении договора о границе и дружбе германская сторона высказала свою особую заинтересованность в небольшом приграничном уголке на юго-западной оконечности Литвы, который был уступлен Германии. Несмотря на это, Красная Армия заняла его, рассматривая как часть новой Литовской Советской [Социалистической] Республики. На соответствующий германский протест Молотов ответил, что, хотя притязания Германии на этот кусок страны обоснованы, для советского правительства чрезвычайно неудобно и трудно это требование удовлетворить. Поэтому он приветствовал бы, чтобы Германия в духе существующих дружественных отношений нашла путь к тому, чтобы оставить эту территориальную полосу за Литвой. Переговоры по этому поводу длились несколько месяцев, и решение было найдено только гораздо позже: 10 января 1941 г. граф Шуленбург и Молотов подписали секретный протокол, в котором Советский Союз брал на себя обязательство выплатить за эту территориальную полосу 31,5 млн. рейхсмарок. Тот факт, что потребовалось так много времени, чтобы договориться по столь незначительному вопросу, позволял осознать, в какой мере отношения между обеими странами ухудшились.

Последствия действий советского правительства стали еще более роковыми, поскольку упомянутые акции совпали с моментом, когда Гитлер в результате своих успехов во Франции

впал в такое душевное состояние, которое граничило с манией величия. Его все больше обуревала идея, что он призван самой судьбой навсегда покончить с большевизмом, и он не успокоится до тех пор, пока не завоюет для немецкого народа положенное тому жизненное пространство. Отныне он считал, что его воле и поступкам никакого предела нет. С растущим неудовольствием следил он за действиями Сталина, из которых сделал вывод, что тот систематически усиливает свои позиции с целью получить возможность в нужный момент оказать давление на Германию. В этом состоянии Гитлер в конце июля 1940 г. впервые дал понять ответственным немецким органам, что им следует рано или поздно считаться с необходимостью военного конфликта с Советским Союзом.

Но и советское правительство имело достаточное основание для критики поведения Германии, ибо ее правительство в связи с германо-итальянским арбитражным решением венгеро-румынского спора [в Вене] нарушило свое обязательство о консультациях и взяло на себя гарантию румынской территории, не договорившись предварительно с советским правительством. У советской стороны возникло недовольство и в связи с посылкой германских войск в Румынию. Объяснение Германии, утверждавшей, что речь идет о направленных по просьбе Румынии лётных частях, было встречено Молотовым с недоверчивой улыбкой.

Тем временем экономические отношения между Германией и Советским Союзом тоже развивались неблагоприятно: она задерживала поставки, предусмотренные договором от 11 февраля 1940 г. В связи с этим советское правительство заявило, что оно воспользуется предоставленным ему по договору правом и приостановит свои поставки в Германию, если та в приемлемое время не восполнит недоданное.

Тем самым германо-советские отношения в течение всего одного года приняли характер, уже не имеющий почти ничего общего с духом и смыслом договоров от августа и сентября 1939 г. Осознав это, Гитлер поздней осенью 1940 г. принял решение вступить в переговоры с советским правительством, чтобы выяснить его намерения и сделать отсюда возможные выводы.

С этой целью он поручил Риббентропу написать Сталину длинное письмо. В этом письме, датированном 13 октября 1940 г. и насчитывавшем не менее 19 страниц, Риббентроп попытался дать подробное резюме германской внешней политики за последние месяцы и обосновать (а в случае необходимости и оправдать) каждый отдельный шаг, предпринятый германской

стороной. Он указывал, сколь важно интенсифицировать экономическое сотрудничество между Германией и Россией, и заверял Сталина, что заключенный 27 сентября 1940 г. пакт Трех держав — Германии, Италии и Японии — никоим образом не нарушает германо-советских договоренностей. Письмо заканчивалось приглашением Молотову посетить Берлин, чтобы поговорить о дальнейшем развитии отношений между обеими странами. Письмо было выдержано в тоне откровенности, который даже в нашем московском посольстве создал впечатление, что Берлин действительно желает похоронить возникшую досаду и впредь строить германо-русские отношения в духе договоров 1939 г.

В своем кратком ответе от 21 октября 1940 г. Сталин со скрытой иронией поблагодарил имперского министра иностранных дел за «поучительный анализ событий» и согласился с тем, что «дальнейшее улучшение отношений между обоими государствами на основе долговременного разграничения сфер обоюдных интересов вполне возможно». Приглашение Молотову в письме принималось. Форма и стиль письма не оставляли никакого сомнения, что оно было написано самим Сталиным.

Через три недели Молотов выехал в Берлин, куда прибыл 12 ноября в 11 часов утра. Его сопровождали 60 человек, в том числе 16 сотрудников органов государственной безопасности, врач и три человека личного обслуживающего персонала. Из высоких советских функционеров в число сопровождавших его лиц входили будущий советский посол в Берлине Деканозов и тогдашний заместитель наркома внутренних дел Меркулов. Граф Шуленбург и я выехали в Берлин одновременно с Молотовым и вместе с ним 14 ноября вернулись в Москву.

Пребывание Молотова в Берлине продолжалось ровно 48 часов, на протяжении которых он имел две продолжительные беседы с Гитлером и три с Риббентропом; кроме того, он посетил Гесса и Геринга. Разговор с Гессом шел об организационной структуре национал-социалистического государства, причем Молотов особенно интересовался «задачами заместителя фюрера». С Герингом Молотов беседовал о германо-русских торговых отношениях и, в частности, жаловался на то, что Германия по своим поставкам далеко отстает от Советского Союза. Геринг пытался объяснить это войной, ростом собственных потребностей Германии в машиностроительных станках и промышленном оборудовании. На эту отговорку Молотов возразил, что в результате завоеваний в Европе столь обширных территорий Германия не может испытывать недостатка в тех изделиях, в которых имеет большую потребность Советский Союз.

Геринг, со своей стороны, выразил недовольство тем объемом германской технической помощи, на который претендует Советский Союз и который равнозначен выдаче производственных секретов. В целом же тон беседы был вполне дружеским, причем Геринг даже в этой ситуации изображал из себя светского человека с игривыми манерами, чем он уже не раз вводил в заблуждение иностранных визитеров относительно своего истинного характера.

Гитлер, приветствуя Молотова при первой встрече, был ошеломляюще любезен. Ему явно было важно расположить к себе Молотова как в деловом, так и в человеческом плане. Однако на второй день противоположность целей обоих партнеров по переговорам выявилась столь отчетливо, что о возможности договоренностей речь уже вряд ли могла идти. В то время как Гитлер начал переговоры с утверждения, что война Германией уже выиграна и теперь дело лишь за дележом военной добычи, Молотов настаивал на своем желании выяснить определенные конкретные вопросы. Так, он подчеркнул, что Германия, вразрез с договорами, держит свои войска в Финляндии, и потребовал их вывода. Он охарактеризовал германские действия в Вене (имеется в виду т. н. Венский арбитраж. — *Сост.*) и гарантирование румынской границы как нарушение обязательства о консультациях. Он затронул вопрос о создании зон безопасности Советского Союза в Болгарии, на Босфоре и Дарданеллах. Но ни на один из этих вопросов удовлетворительного ответа от Гитлера он не получил. Вместо того Гитлер предавался общим рассуждениям о необходимости взаимопонимания между Германией и Советским Союзом относительно массы британского имущества после неминуемого поражения Англии. При этом четко выявились две вещи: намерение Гитлера подтолкнуть Советский Союз в направлении Персидского залива и его отказ признать советские интересы в Европе. Молотов же настаивал на ясном ответе на свои вопросы с таким упорством, что это вызвало у Гитлера растущее раздражение.

На заключительной беседе с Риббентропом вечером 13 ноября Молотов вновь подчеркнул не только наличие интересов Советского Союза на Балканах, но и его заинтересованность в свободном выходе из Балтийского моря. И во время этой беседы упоминались те предварительные условия, при которых могло бы произойти присоединение Советского Союза к пакту Трех держав.

По возвращении Молотова в Москву советское правительство в меморандуме от 25 ноября вновь поставило все эти вопросы, но ответа на них так никогда и не получило. Однако Гитлер истолковал меморандум таким образом, что советское

правительство решило осуществить свои собственные желания и оказать сопротивление германским притязаниям. Сделанный им вывод нашел выражение 18 декабря 1940 г. в директиве [№ 21] под названием «Операция Барбаросса», которая начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе скоротечной кампании еще до того, как будет закончена война с Англией».

Несмотря на возникшую после поездки Молотова в Берлин напряженность в германо-советских отношениях, возобновленные в октябре экономические переговоры продолжались в течение последующих трех месяцев. Они завершились 10 января 1941 г. подписанием договора, по которому советское правительство на основе взаимности брало на себя обязательство не только продолжать поставки пшеницы, сырой нефти, хлопка и т. п., но и соглашалось на значительное увеличение объема этих поставок. Одновременно был разрешен и конфликт по поводу территориальной полосы в Литве, однако у германской стороны сохранилось недовольство нарушением договора Советским Союзом.

К тому же в первой половине января 1941 г. отношения продолжали обостряться, ибо Германия перебросила в Румынию усиленные контингента войск, ссылаясь на необходимость принять меры предосторожности против операций, за планированных Англией в Греции. Советское правительство проявило крайнюю обеспокоенность этой акцией. 17 января 1941 г. Молотов указал германскому послу на то, что советское правительство дважды охарактеризовало Болгарию и морские проливы как зоны безопасности СССР. Поэтому появление германских войск в этих областях Советский Союз должен рассматривать как угрозу своей безопасности. Одновременно Молотов выразил недовольство своего правительства тем, что имперское правительство все еще не высказало собственной позиции по вопросам, поставленным Молотовым в Берлине. Напряженность явно нарастала в связи с присоединением Болгарии 1 марта 1941 г. к пакту Трех держав и фактическим вступлением германских войск в эту страну. Молотов занял очень резкую позицию в отношении этих акций и настойчиво напоминал, что советское правительство всегда называло Болгарию советской зоной безопасности.

Но в то же время общее поведение советского правительства, особенно в экономических вопросах, не оставляло никакого сомнения в том, что оно прилагает усилия с целью избежать любого дальнейшего ухудшения отношений. Если в январе и феврале Народный комиссариат внешней торговли допускал

явное отставание в советских поставках в Германию, то март принес ошеломляющую перемену. Хотя Германия к тому времени еще сильнее, чем прежде, отставала в своих поставках Советскому Союзу, и никаких признаков изменения положения к лучшему в обозримое время не имелось, объем советских поставок вдруг заметно возрос. Советское правительство совершенно очевидно избегало всего, что могло бы вызвать раздражение у Германии.

Тем не менее советское правительство сознательно пошло на риск дальнейшего обострения отношений с Германией, когда оно в ночь с 5 на 6 апреля заключило договор о дружбе и ненападении с новым югославским правительством (прежнее было свергнуто за его присоединение к пакту Трех держав). Какую цель при этом преследовал Сталин, было ясно. Он хотел расширения войны на Балканах и тем самым устранения непосредственной германской угрозы для Советского Союза. Достигнутую таким образом отсрочку он хотел использовать для того, чтобы тем временем всеми силами форсировать вооружение Советского Союза.

Однако в течение нескольких дней после начала военных действий на Балканах стало ясно, что Сталин еще раз ошибся и, взвешивая выгоды, которые должна была принести ему германская кампания в этом районе, исходил из ложных посылок. Он был убежден, что Балканский поход продлится долго и что германским вооруженным силам предстоит тяжелое испытание. Когда же развитие пошло по иному пути, он ни на миг не поколебался сделать отсюда выводы. С тех пор он не упускал никаких средств, чтобы сохранить у Гитлера хорошее к себе отношение, давая ему одно за другим все новые доказательства своей доброй воли. Так, 13 апреля, то есть через неделю после начала войны на Балканах, он по явился на московском вокзале якобы для того, чтобы проводить отъезжавшего в Токио японского министра иностранных дел Мацуоку, а в действительности чтобы на глазах у всего дипломатического корпуса положить руку на плечо германскому послу и попросить его позаботиться о том, чтобы Германия и Советский Союз и дальше оставались друзьями. Затем он повернулся к заместителю германского военного атташе полковнику Кребсу и заверил и его тоже в том, что Советский Союз является и хочет оставаться и впредь другом Германии.

За этой демонстрацией в ближайшие недели последовали и другие признаки, подтверждавшие, какое огромное значение придавал Сталин тому, чтобы не допустить никакого конфликта с Германией. Дабы умиротворить Гитлера, Сталин зашел столь далеко, что порвал дипломатические отношения с Норвегией, Бельгией, Югославией и Грецией под тем предлогом, будто эти

страны ввиду их оккупации Германией потеряли свой суверенитет.

Но на Гитлера эта сталинская политика умиротворения впечатления не произвела. Наоборот, продолжающиеся усилия Сталина избежать конфликта он рассматривал как доказательство его слабости и страха перед военным столкновением с Германией. Все это укрепило его в убеждении, что ему никогда не предоставится более благоприятного случая разгромить Советский Союз, уничтожить советский режим и путем захвата русской и украинской части страны дать немецкому народу добавочное «жизненное пространство».

Хотя в то время слухи о предстоящем германском военном нападении на Советский Союз достигли своего апогея, мы в Москве не располагали никакими конкретными материалами относительно подлинных намерений Гитлера.[15]

Мы были склонны предполагать, что Гитлер концентрацией войск на советской границе хочет оказать на советское правительство нажим с целью вымогательства у него экономических и, возможно, территориальных уступок.

В середине апреля посол отправился в Германию, чтобы получить ясность о планах Гитлера и попытаться в приемлемой форме наглядно показать ему опасность похода против Советского Союза. С этой целью он взял с собой подготовленную посольством памятную записку и сразу же по приезде в Германию направил ее для передачи Гитлеру.

Личная встреча Гитлера с графом Шуленбургом состоялась 28 апреля.[16] Посол увидел, что его памятная записка лежит у Гитлера на столе, но ни по одному слову Гитлера не смог судить, прочел тот ее или нет.

Однако, прощаясь, Гитлер вдруг без всякой связи с предыдущей беседой бросил: «И еще одно, Шуленбург: вести войну против России я не собираюсь!»

Когда 30 апреля посол вернулся в Москву, он отвел меня на аэродроме в сторону и прошептал: «Жребий брошен, война — дело решенное!» Только по дороге в посольство он сообщил мне о последней реплике Гитлера. На мой удивленный вопрос, как же это согласуется с его первыми словами, Шуленбург ответил: «Гитлер намеренно обманывал меня».

А тем временем Сталин продолжал свою политику умиротворения. Но Гитлер на нее ни в малейшей степени не реагировал. Даже тот факт, что 6 мая 1941 г. Сталин самолично занял пост Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и, таким образом, встал во главе правительства и юридически, не привлек к себе внимания Гитлера, хотя тем самым Сталин хотел

явно продемонстрировать, что полон решимости использовать весь свой личный авторитет, чтобы избежать столкновения между Германией и Советским Союзом. Не придал Гитлер никакого значения и донесениям посольства, хотя (или, возможно, именно поэтому) мы неустанно указывали на добросовестное соблюдение Советским Союзом экономического соглашения и подчеркивали, что он прилагает все усилия для избежания любого конфликта с Германией.

В мае в Москву после многонедельного отсутствия вернулся полковник Кребс. Когда он зашел в мой кабинет, я задал ему вопрос насчет курсирующих слухов о войне. Если в этом есть хоть доля истины, его долг, сказал я, разъяснить Гитлеру, что война против Советского Союза может означать конец Германии. Я напомнил Кребсу, что за свою долгую историю Россия часто бывала бита, но никогда — разбита. Я упомянул о силе Красной Армии, о способности русского народа переносить страдания и лишения, о масштабах этой страны и ее неисчерпаемых резервах. «Все это мне известно, — сказал в ответ Кребс, — но к сожалению, ничего этого я преподнести Гитлеру не могу. После того как мы, офицеры германского генерального штаба, предостерегали его от похода на Францию, а линию Мажино называли неприступной, мы ему ни единого слова сказать не можем, а должны помалкивать, если не хотим поплатиться головой».

Для германского посольства последние дни перед германским вторжением в Советский Союз были временем трагическим. После безуспешной попытки повлиять на Гитлера памятной запиской Шуленбурга мы не имели больше никакой возможности вмешаться в ход событий. А в результате совершенно изменившегося характера отношений у посла больше не было никакого случая увидеть Молотова и поговорить с ним, тем более что тот тоже хранил молчание. В связи с этим примечательно следующее. 5 мая 1941 г. в Кремле состоялся прием для молодых выпускников 16 академий Красной Армии. По сообщениям, имевшимся у посольства, Сталин произнес на этом банкете речь, в которой подчеркнул превосходство германского военного потенциала над советским, чем, по мнению наших информаторов, совершенно явно хотел подготовить слушателей к необходимости компромисса с Германией. Этому резко противоречили те сообщения, которые сделали мне уже во время войны три попавших в плен старших советских офицера, тоже присутствовавших на этом приеме. По их словам, начальник управления военных академий СССР генерал-лейтенант Хозин хотел произнести тост за мирную политику СССР, на что Сталин

отреагировал резко отрицательно, сказав, что теперь с этим оборонительным лозунгом надо покончить, ибо он устарел, хотя под этим лозунгом Советскому Союзу и удалось далеко продвинуть вперед свои границы на Севере и Западе и увеличить свое население на 13 млн. человек. Однако теперь этим больше ни пяди земли не приобрести. Красная Армия, сказал он, должна привыкнуть к мысли, что мирная политика кончилась и наступила эра расширения фронта социализма силой. Тот, кто не признает этого, — обыватель и дурак. Надо покончить наконец и с восхвалениями германской армии.

Мне так никогда и не удалось получить достоверное объяснение различия между этими двумя сообщениями. За правильность сведений офицеров говорит тот факт, что их рассказы совпадали друг с другом, хотя у них не было никакой возможности заранее согласовать друг с другом свои показания. Поэтому допустимо предположить, что Сталин намеренно устроил так, чтобы первое сообщение попало в руки посольства и тем самым Гитлеру было бы дано доказательство его миролюбивой политики.

Тогда мне казалось, что мир еще, пожалуй, можно спасти, если удастся побудить советское правительство взять в свои руки дипломатическую инициативу и втянуть Гитлера в переговоры, которые — хотя бы на время — лишат его предлога для военной акции против Советского Союза. Поэтому я счел необходимым разъяснить советскому правительству всю серьезность положения и убедить его предпринять что-либо для предотвращения опасности войны. Поскольку советский посол в Берлине [Деканозов] как раз находился в Москве, я уговорил графа Шуленбурга пригласить его на завтрак в посольство вместе со ставшим к тому времени заведующим германским отделом Наркомата иностранных дел В. Н. Павловым (о котором мы знали, что он пользуется особым доверием Сталина), чтобы попытаться через Деканозова открыть глаза советскому правительству.

Граф Шуленбург и я не жалели никаких усилий, чтобы сделать русским понятной всю серьезность ситуации, и настаивали на том, чтобы советское правительство связалось с Берлином, пока еще ничего не произошло. Но наши усилия оказались напрасными. Хотя мы с самого начала не оставили у Деканозова никаких сомнений в том, что действуем на собственный страх и риск, он с совершенно удручающей тупостью снова и снова спрашивал, говорим ли мы по поручению имперского правительства. В противном случае, твердил он, он не может передать нашу точку зрения своему правительству. Он

явно не мог себе представить, что мы сознательно подвергали себя огромной опасности ради попытки сохранить мир. Казалось, он считал, что мы действуем по наущению Гитлера и пытаемся толкнуть Кремль на такой шаг, который противоречит советским интересам. Чем дольше говорили мы с Деканозовым, тем яснее становилось нам, что он не проявляет никакого понимания нашей доброй воли. Его поведение подтвердило мою точку зрения, что Сталин полагает, будто Гитлер только блефует.

По этой причине Сталин оставил без внимания и другие предупреждения. Уже одно то, что в предсказаниях германского вторжения все время называлась одна и та же дата, казалось, еще больше укрепило его подозрение, что немцы хотят планомерно усиливать воздействие своего блефа. Сталин явно считал, что он не должен делать ничего, что могло бы побудить Гитлера еще больше повысить те требования, на которые он, Сталин, был готов.

Эта тенденция проявилась как в отношении к предупреждениям британского посла сэра Стаффорда Криппса, так и в заявлении ТАСС, датированном 13 июня 1941 г.[17] В нем советское правительство опровергало как вымысел слухи насчет якобы предъявленных Советскому Союзу германских требований и заявляло, что обе стороны добросовестно выполняют положения пакта о ненападении.

Поскольку в это время посольство не могло выполнять никакой полезной работы и Берлин потерял всякий интерес к сообщениям из Москвы, нам не оставалось ничего иного, как заниматься чтением да обмениваться мнениями. Среди книг, которые мы тогда читали, были и мемуары генерала де Коленкура, известного французского дипломата и государственного деятеля, который служил во времена Великой французской революции и наполеоновских войн, а в 1807–1811 гг. был послом в России. Книга содержала в основном записи бесед, которые он вел с Наполеоном в период вторжения в Россию и когда сопровождал императора во время его бегства во Францию. Эти беседы особенно интересовали меня потому, что Коленкур играл по отношению к Наполеону роль, похожую на роль Шуленбурга по отношению к Гитлеру. Как и Коленкур, Шуленбург был убежденным приверженцем дружественных отношений между его страной и Россией. Оба предостерегали от опасностей, вытекающих из войны с восточным колоссом, и оба потерпели неудачу в своих усилиях удержать своих повелителей от нападения на Россию.

Особенное впечатление произвело на меня одно место, где Коленкур описывает, как он предпринял попытку убедить

Наполеона в правильности своих взглядов на Россию и в необходимости добрых франко-русских отношений. Это место так живо напомнило мне взгляды Шуленбурга, что я решил подшутить над ним. Однажды, когда посол был у меня, я сказал ему, что недавно получил конфиденциальное письмо от одного берлинского друга с весьма интересным рассказом о последней беседе посла с Гитлером. Граф Шуленбург, будучи убежден, что о ходе этой беседы знает весьма мало лиц, был ошеломлен. «Да, но вот имеется ее текст», — сказал я и зачитал ему одно место из книги Коленкура, которую я тщательно спрятал от него. Я читал текст дословно, только лишь изменив имена: Наполеона — на Гитлера, а Коленкура — на Шуленбурга. Посол казался совершенно обескураженным. «Не могу поверить, чтобы ваш друг располагал моей записью беседы с Гитлером, — воскликнул он, — но текст почти слово в слово отвечает тому, что я сказал Гитлеру! Прошу дать мне взглянуть на фамилию отправителя письма». Когда же я протянул послу книгу, удивлению его не было границ. Совпадение было потрясающим! Мы оба сочли это плохим предзнаменованием. До самого начала военных действий посольству не было ясно, действительно и окончательно ли Гитлер решил осуществить нападение на Советский Союз и на какую дату он назначил эту акцию. Только 14 июня от одного вернувшегося в Москву сотрудника посольства, которого Шуленбург посылал разведать обстановку в Берлине, мы узнали, что нападение произойдет 22 июня. Почти одновременно посольство получило от министерства иностранных дел указание позаботиться о сохранности секретных документов и незаметно начать отправку из Москвы женщин и детей. Этой возможностью остававшиеся немецкие семьи пользовались в течение всей недели, и под конец моя жена оказалась единственной не работающей в посольстве женщиной, еще находившейся в Москве.

Характерным для той последовательности, с какой Сталин проводил свою политику умиротворения Гитлера, явился тот факт, что советские пограничные власти до последнего момента были не только весьма корректны с отъезжающими немцами, но и относились к ним с подчеркнутой вежливостью. Кстати, поезда с советской пшеницей и нефтью беспрепятственно шли в Германию через границу до самой после дней минуты перед нападением.

В последние дни перед началом войны встреч посла с Молотовым (хотя прежде они встречались каждые несколько дней для обсуждения текущих вопросов) больше не было. Однако 21 июня, накануне германского нападения. Молотов снова пригласил графа Шуленбурга к себе на 21 час 30 минут, и я, как обычно, сопровождал посла в Кремль. Молотов начал беседу с

сообщения, что он, к сожалению, вынужден заявить протест против принявших в последнее время систематический характер нарушений границ германскими летчиками. Советское правительство поручило своему послу в Берлине сделать соответствующее представление имперскому правительству. Затем Молотов перевел разговор на германо-советские отношения и заявил, что у советского правительства создается впечатление, будто германское правительство недовольно какими-то действиями советского правительства. Если это связано с югославскими делами, то он полагает, что в достаточной степени разъяснил данный вопрос во время предыдущих бесед. Тем больше советское правительство удивлено курсирующими слухами, согласно которым Германия готовит войну против Советского Союза. Новую пищу для этих слухов дает тот факт, что германское правительство никак не отреагировало на заявление ТАСС от 13 июня И в Германии оно не опубликовано. Советское правительство не может объяснить себе все это и было бы благодарно, если бы посол высказался по данному вопросу.

Вопросы Молотова поставили посла в крайне неловкое положение: ему не оставалось ничего иного, как заявить, что он не располагает никакой информацией. Молотова это не удовлетворило. Он сказал, что у него имеются сведения, по которым Москву уже покинули не только все германские хозяйственные представители, по также жены и дети персонала посольства. Посол попытался объяснить отъезд членов семей предстоящим жарким летом в Москве, добавив в качестве последнего аргумента, что, мол, уехали не все, «например, фрау Хильгер еще в Москве». Молотов следил за его усилиями с выражением разочарования на лице. В этот момент никто из нас троих еще не знал, что всего через шесть часов мы уже окажемся перед свершившимся фактом.

В ночь на 22 июня из Берлина поступила телеграмма послу с указанием немедленно отправиться к Молотову и сообщить ему, что концентрация советских войск на германской границе приняла такой размер, что воспринимается имперским правительством как недопустимая. Поэтому оно решило принять соответствующие контрмеры. Телеграмма указывала послу, что он не должен вступать с Молотовым ни в какие дальнейшие обсуждения.

Чуть позже четырех часов утра мы в последний раз во шли в Кремль. Молотов принял нас не сразу. Он выглядел усталым и изнуренным работой. После того как посол сделал свое сообщение, на минуту воцарилась полная тишина. Молотов явно боролся с внутренним волнением. Затем он спросил: «Это —

объявление войны?» Посол отреагировал молча, характерным для него жестом: с выражением беспомощности он воздел руки к небу. На это Молотов, слегка повысив голос, сказал: сообщение посла, естественно, не может означать ничего иного, как объявление войны, ибо германские войска перешли советскую границу и немецкие самолеты уже полтора часа бомбят такие города, как Одесса, Киев и Минск. Затем, уже не сдерживаясь, выразил свое возмущение. Он сказал, что Германия напала на страну, с которой заключила договоры о ненападении и дружбе. Та кого прецедента в истории еще не бывало. О концентрации советских войск на германской границе не может быть и речи. Пребывание советских войск в пограничных областях обусловлено только летними маневрами, которые проходят там. Если имперское правительство имело что-либо возразить против этого, ему было достаточно всего лишь сообщить об этом советскому правительству, и оно позаботилось бы о принятии соответствующих мер. Вместо этого Германия развязала войну со всеми ее последствиями. Свою филиппику Молотов закончил словами: «Мы этого не заслужили!»

Посол ответил: ему нечего добавить к тому, что он сообщил по указанию своего правительства, кроме просьбы, чтобы советское правительство в соответствии с международным правом обеспечило немедленный свободный выезд сотрудникам посольства. Молотов лаконично ответил, что это будет сделано на основе взаимности. Затем мы попрощались с Молотовым — молча, но с обычным рукопожатием.

Когда произошло германское нападение, Красная Армия оказалась совершенно неподготовленной, ибо Сталин до самого последнего момента предавался вере, что Гитлер никогда не осмелится напасть на Советский Союз и что концентрация войск на советской границе — всего лишь блеф, рассчитанный на то, чтобы добиться от него, Сталина, уступок в экономическом или территориальном отношении. Если бы Сталин действовал иначе и вовремя дал Гитлеру понять, что полон решимости в случае войны бросить против него всю мощь Красной Армии, кто знает, не приняла бы тогда история иной оборот.

После того как 22 июня 1941 г. война, которую Гитлер навязал Советскому Союзу, началась, Сталину поначалу пришлось дорого поплатиться за совершенные им ошибки. Последствия его яростной расправы с руководящими деятелями Красной Армии, жертвой которой всего четыре года назад пали не меньше трех четвертей всего высшего командного состава, были к 1941 г. еще не преодолены. Виной Сталина было, далее, то, что первые удары агрессора были совершенно неожиданны для советских войск,

которые бездеятельно стояли на границе, так как по его категорическому приказанию не приняли необходимых мер к обороне. И наконец, перед началом военных действий Сталин не предпринял ничего, что психологически подготовило бы население к возможности войны. Наоборот, Сталин всячески пренебрегал всеми предупреждениями с третьей стороны, сознательно создавал впечатление, будто после заключения договоров от 23 августа и 29 сентября 1939 г. отношения Советского Союза с Германией изменились. К этому добавилось воздействие сталинских заявлений, из которых советская общественность должна была услышать, что отношения между обеими странами не оставляют желать ничего лучшего и все появляющиеся слухи объясняются действиями политических возмутителей спокойствия. Следствием этого стало то, что в момент начала войны русское население было поражено как громом среди ясного неба.

…Так заключенная 23 августа 1939 г. германо-советская «дружба» завершилась трагическим концом[18]

notes

Примечания

1

Примечание нем. издателя Аннелиз фон Риббентроп.

В качестве добавления к этому весьма лаконичному изложению моим мужем предыстории германо-русского пакта приведу здесь некоторые выдержки из служебных документов министерства иностранных дел. (Цит. по: Die Beziehungen zwischen Deutschland und Sowjetunion 1939 bis 1941. Aus den Archiven des Auswartigen Amts und der deutschen Botschaft in Moskau. Herausgegeben von Dr. Alfred Seidl. Tubingen, 1949). Из них видно, насколько велики были те трудности, которые пришлось преодолевать моему нужу. Так. еше 20 июня 1939 г. Гитлер заявлял, что «в возобновлении политических переговоров с Россией Германия в настоящее время не заинтересована». Важным пунктом переговоров (о пакте] явилась беседа, которую мой муж 2 августа 1939 г. имел с советником советского посольства Астаховым и содержание которой он по телеграфу подробно сообщил германскому послу в Москве:

«Вчера вечером я принял русского поверенного в делах. Моей целью было продолжить с ним известные беседы, которые еще раньше велись с Астаховым сотрудниками министерства иностранных дел. Я начал с разговора о переговорах насчет заключения торгового договора, которые в настоящий момент, к нашей радости, успешно развиваются, и охарактеризовал такое торговое соглашение как хороший этап на пути к нормализации германо-русских отношений, если она является желательной. Как известно, тон нашей прессы по отношению к России за последние полгода стал существенно иным. Я считаю, что, если у русской стороны тоже наличествует такое же желание, новое урегулирование наших отношений является возможным при соблюдении двух предпосылок:

а) невмешательство во внутренние дела другого государства (г-н Астахов считает это вполне возможным);

б) отказ от политики, направленной против наших жизненных интересов. На это Астахов окончательного ответа дать не смог, но высказался в том смысле, что его правительство имеет желание вести с Германией политику взаимопонимания.

2

Стремясь и в дальнейшем не допустить огласки, Сталин в 1945 f. через Вышинского дал представителям советского обвинения на Нюрнбергском процессе категорическое указание ни в коем случае не допускать и незамедлительно пресекать любую попытку обвиняемых говорить о секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 г. Поэтому, когда Риббентроп на допросе 1 апреля 1946 г. упомянул о нем в связи с Польшей, главный обвинитель от СССР генерал Руденко сразу оборвал его. Риббентроп сказал: «Нет сомнения, что Сталин никак не может обвинить Германию в агрессии или захватнической войне против Польши. Если рассматривать это как агрессию, то в ней повинны обе стороны».

3

Уже 18 декабря 1940 г. Гитлер дал директиву N 21 о немедленной подготовке нападения на СССР, имевшую кодовое наименование «Операция Барбаросса». Разумеется, Риббентроп не мог не знать о ней. — Примеч. сост.

4

Речь идет об учиненной Гитлером и вошедшей в историю под названием «Ночь длинных ножей» кровавой расправе (руками СС и гестапо под главенством Гиммлера и Геринга) со своими сообщниками по партии и соперниками в борьбе за абсолютную власть во главе с начальником штаба СА (штурмовых отрядов) Эрнстом Ромом. Они отражали настроения мелкобуржуазной массы нацистского движения, требовавшей осуществления демагогических псевдосоциалистических обещаний фюрера («второй революции»), а потому представляли определенную опасность для монополистического капитала и военщины. Одновременно были убиты опасный личный конкурент Гитлера, лидер оппозиционного крыла нацистской партии Грегор Штрассер и бывший рейхсканцлер Германии генерал Курт фон Шлейхер, располагавший секретным досье времен Первой мировой войны о психическом расстройстве фюрера на почве венерической болезни.

Эта кровавая акция Гитлера против своих личных соперников и оппозиционных элементов в фашистской партии, совершенная менее чем за полгода до убийства 1 декабря 1934 г. Кирова и начала массовых репрессий в СССР, получила одобрительную оценку Сталина. — *Примеч. сост.*

5

По свидетельству генерал-лейтенанта бывшего КГБ СССР С. Кондрашева, из агентурных материалов архива ОГПУ — НКВД довоенного периода «следует, что нацистское руководство было недовольно деятельностью Шуленбурга и рассматривало возможность акции против него со стороны гестапо» и, более того, замышляло против него террористический акт, предотвращенный советской контрразведкой. «Шуленбург, — говорится далее, — считал себя другом тогдашнего Советского Союза», он «увидел угрозу нацизма и в течение последующей жизни был его убежденным противником», а также «глубоко переживал крушение своих надежд на улучшение отношений Германии с Советским Союзом». Он считал, что советско-германский пакт 1939 г. — «это временная мера, она дает лишь передышку». Он осуждал Риббентропа и его руководство внешней политикой Германии». — Известия. 1992. 4 февр. — Примеч. сост.

6

Речь идет о сорвавшемся заговоре 20 июля 1944 г. (бывший обер бургомистр Лейпцига Гёрделер, фельдмаршал Вицлебен, генерал-полковник Бек, полковник фон Штауффенберг и др.) против Гитлера. — Примеч. сост.

7

Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) — советский дипломат, в 1921–1930 гг. — полпред в Германии, в 1930–1934 гг. — заместитель, а в 1934–1937 гг. — первый заместитель наркома иностранных дел СССР. — Примеч. сост.

8

Судя по сообщениям советских газет, М. М. Литвинова не было на трибуне Мавзолея. См.: Правда. 1939. 3 мая; Известия. 1939. 4 мая. — Примеч. сост.

9

Необходимое условие (лат.).

10

Текст письма Гитлера Сталину от 20 августа 1939 г. см.: Год кризиса. 1938–1939. Т. 2. 2 июня — 4 сентября 1939 г. Документы и материалы, М., 1990. С. 302.

11

Письменное заявление заместителя статс-секретаря министерства иностранных дел Германии посла Фридриха Гауса от 15 марта 1946 г., сделанное для Международного военного трибунала в Нюрнберге, гласило:

«23 августа около полудня самолет имперского министра иностранных дел, которого я сопровождал в качестве советника по международно-правовым вопросам на запланированные переговоры, прибыл в Москву. Во второй половине того же дня состоялась первая беседа господина фон Риббентропа с господином Сталиным, на которой с немецкой стороны, кроме имперского министра иностранных дел, присутствовали только советник посольства Хильгер в качестве переводчика и, возможно, также посол граф Шуленбург; сам я в ней участия не принимал. С этой долго продолжавшейся беседы имперский министр иностранных дел вернулся весьма удовлетворенным и высказался в том смысле, что все это, можно не сомневаться, приведет к заключению тех соглашений, к которым стремится германская сторона. Продолжение переговоров, при котором должны были быть обсуждены и изготовлены подлежащие подписанию документы, намечено на поздний вечер. В этой второй беседе участвовал лично я, а также посол граф Шуленбург и советник посольства Хильгер. С русской стороны переговоры велись господами Сталиным и Молотовым, переводчиком которых являлся господин Павлов. Быстро и без всяких трудностей было достигнуто согласие относительно текста германо-советского пакта о ненападении.

По сравнению с пактом о ненападении гораздо дольше велись переговоры об особом секретном документе, который, как мне помнится, получил наименование «секретный протокол», или «секретный дополнительный протокол», и содержание которого сводилось к разграничению сфер интересов обеих сторон на европейских территориях, лежащих между обоими государствами. Употребляли ли при этом выражение «сфера интересов» или же какие-либо иные выражения, я уже не помню. В этом документе Германия заявляла о своей незаинтересованности в Латвии, Эстонии и Финляндии, но зато причисляла к сфере своих интересов Литву. Что касается политической незаинтересованности Германии в отношении обоих вышеназванных Прибалтийских государств, по началу возник спор, поскольку имперский министр иностранных дел заявил о необходимости телефонного разговора с Гитлером,

который состоялся лишь вовремя второй беседы: в этом разговоре по прямому проводу он получил от Гитлера полномочия согласиться с советской точкой зрения. Что касается польской территории, то была установлена демаркационная линия. Была ли она точно начерчена на приложенной к документу карте или же описана в этом документе словесно, в памяти моей не сохранилось. В остальном же в отношении Польши было достигнуто соглашение примерно того содержания, что обе державы рассматривают окончательное урегулирование относящихся к этой стране вопросов во взаимном согласии. Насчет Балканских стран констатировалось, что Германия имеет там только экономические интересы. Пакт о ненападении и секретный документ были подписаны в ту же ночь почти на рассвете.

Пока готовились чистовые экземпляры документов, господину Риббентропу был подан завтрак, но время которого он к ходе возникшей беседы рассказал, что публичная речь Сталина, произнесенная весной, содержала одну фразу, которая, хотя Германия в ней и не была названа, была воспринята так, будто господин Сталин тем самым хотел намекнуть, что Советское правительство считает возможным и желательным достигнуть лучших отношений с Германией. На это господин Сталин ответил лаконичной репликой, которая в переводе Павлова гласила: «Таково было намерение». — Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sowjetunion 1939–1941. Aus den Archiven des Auswartigen Amts und der Deutschen Botschaft in Moskau. — *Примеч. сост.*

12

Текст договора о ненападении между Германией и Советским Союзом, а также секретного дополнительного протокола к нему, существование которого, как и подлинность имеющихся копий его, долгое время оспоривалось советским руководством на высшем государственном уровне, см.: Год кризиса. Т. 2. С. 318–321.

Подлинник этого протокола обнаружен в октябре 1992 г. в бывшем архиве Политбюро ЦК КПСС — ныне в Президентском («Кремлевском») архиве.

В сделанной послом Гаусом протокольной записи беседы Риббентропа со Сталиным и Молотовым после подписания документов в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. говорилось: «В ходе беседы Сталин спонтанно произнес речь в честь фюрера: «Я знаю, как сильно немецкий народ любит своего фюрера, и потому хотел бы выпить за его здоровье».

Господин Молотов пил за здоровье господина имперского министра иностранных дел и господина посла графа фон дер Шуленбурга. Далее господин Молотов поднял свой бокал за господина Сталина, заметив при этом, что Сталин своей речью 10 марта с. г., которую хорошо поняли в Германии, положил начало повороту в политических отношениях. Господа Молотов и Сталин неоднократно пили за пакт о ненападении, за новую эру в германо-советских отношениях и за счастливое развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

При прощании господин Сталин заявил господину имперскому министру иностранных, дел, что Советский Союз никогда не обманет своего партнера». — Akten zur deutschen auswartigen Politik 1918–1945. Aus dem Archiv des deutschen Auswartigen Amtes. Serie D. Bd. VII. Baden-Baden. 1956. Dok. Nr. 213. S. 191. Примеч. сост.

13

По свидетельству переводившего разговор В. М. Бережкова, Гитлер, прощаясь в ноябре 1940 г. с Молотовым в Имперской канцелярии, сказал: «Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да я и сам рассчитываю войти в историю. Поэтому естественно, чтобы два таких политических деятеля, как мы, встретились. Я прошу Вас, господин Молотов, передать господину Сталину мои приветы и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем». — Международная жизнь. 1989. № 8. С. 21. — Примеч. сост.

14

В советской печати опубликован 29 сентября 1939 г. с датой подписания 28 сентября 1939 г. под официальным наименованием «Советско-германский договор о дружбе и границе между СССР и Германией». В нем устанавливалась «граница обоюдных государственных интересов на территории бывшего польского государства» и было записано, что «Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами». Полный текст см.: Известия. 1939. 29 сент. — Примеч. сост.

15

Геббельс записал в своем дневнике 14 февраля 1942 г.: «Наш посол в Москве граф фон дер Шуленбург тоже не имел никакого представления о том, что рейх был намерен совершить нападение (на Советский Союз), Он постоянно настаивал на том, что наилучшей политикой было бы сделать Сталина другом и союзником. Он отказывается верить в то, что Советский Союз готовит крупный военный удар против рейха. Никакого сомнения, что наилучшая политика — это не информировать дипломатов о своих истинных политических намерениях». — The Goebbels Diaries. New York. 1971. P. 102–103. — Примеч. сост.

16

Сохранилась сделанная Шуленбургом запись этой беседы Гитлера с ним о позиции СССР в отношении «третьего рейха»:

«Фюрер упомянул, что во время визита Мацуоки в Москву я находился там, и спросил: как воспринимают русские договор [о нейтралитете]? Я ответил: русские очень обрадованы его заключением, несмотря на то, что им пришлось пойти и на уступки.

Затем фюрер спросил, кой черт дернул их заключить пакт о дружбе с Югославией. Я высказал мнение, что здесь речь идет исключительно о заявке русских интересов на Балканах. Россия не имеет специфических интересов в Югославии, но имеет принципиальные интересы на Балканах в целом. Фюрер сказал: заключение русско-югославского пакта о дружбе вызвало у него такое чувство, что Россия хочет нас припугнуть. Я отрицал это и повторил: русские имели целью только заявить о своих интересах и действовали все же корректно, проинформировав нас о своих намерениях.

Потом фюрер сказал, что ему все еще неясно, кто же, собственно, стоял за переворотом в Югославии: Англия или Россия? По его мнению, это были англичане, между тем как у всех балканских народов сложилось впечатление, что это была Россия. Я ответил: на взгляд из Москвы, нет оснований считать, что Москва приложила к этому руку. Югославский договор появился на свет только тогда, когда сама Югославия проявила инициативу и послала в Москву офицеров, которые предложили ей этот договор. Теперь Россия вновь обеспокоена слухами, предсказывающими немецкое нападение на нее. Фюрер подчеркивает, что это сами русские начали сосредоточение войск, когда без всякой нужды сконцентрировали в Прибалтике большое число дивизий. Я объяснил, что дело здесь в общеизвестном стремлении русских к 300-процентной безопасности. Если мы с какой-либо целью посылаем одну дивизию, то они с той же целью, чтобы быть вполне уверенными [в своей безопасности], посылают 10. Я не могу поверить в то, Что Россия когда-либо нападет на Германию. Фюрер ответил: события в Сербии служат ему предостережением. То, что там произошло, — пример ненадежности [русского] государства как партнера. Хотя он и не верит, что [англичане] могут купить Россию для нападения на Германию, у русских все же остались сильные чувства ненависти [к ней], а прежде всего остались неизменными русские намерения продвинуться дальше в Финляндии и выйти на Дарданеллы — это

дал ясно понять во время своего визита Молотов. Обдумывая все это, он обязан быть осторожным.

Я указал на то, что Криппсу только через шесть дней после заключения русско-югославского договора удалось попасть на прием, да и то только к заместителю Молотова Вышинскому. Далее я напомнил, что Сталин сказал Мацуоке: он поклялся быть верен оси и не может сотрудничать с Англией и Францией. Я напомнил также сцену на вокзале, которую Сталин намеренно инсценировал, дабы публично продемонстрировать свое желание сотрудничать со странами оси. В 1939 г. Англия и Франция не жалели сил для того, чтобы привлечь Россию на свою сторону. И если Сталин даже в то время, когда Англия и Франция были еще сильны, не решился остановить свой выбор на них, то не думаю, чтобы он принял такое решение именно сейчас, когда Франция уничтожена, а Англии нанесены тяжелые удары. Напротив, я убежден в том, что Сталин готов сделать нам еще более далеко идущие уступки. Нашим хозяйственным представителям дали понять, что (если мы своевременно заявим об этом) в следующем году Россия смогла бы поставить нам 5 миллионов тонн пшеницы. Приведя различные цифры, фюрер высказал мнение, что русские поставки ограничены транспортными возможностями. Я указал на то, что транспортные трудности можно устранить более сильным использованием русских портов». — Цит. по: Hans-Adolf Jacobsen. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. 3. durchgesehene und erganzte Auflage. Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft. Darmstadt. 1959. — Примеч. сост.

17

В советской печати опубликовано 14 июня. — Примеч. сост.

18

Из книг: Gustav Hilger. Wir und der Kreml. Frankfurt am Main, 1964; idem. Stalin. Der Aufslleg der UdSSR zur Weltmacht. Frankfurt am Main, 1959. На русском языке впервые опубликовано составителем в: Дипломатический ежегодник 1989, М., 1990.